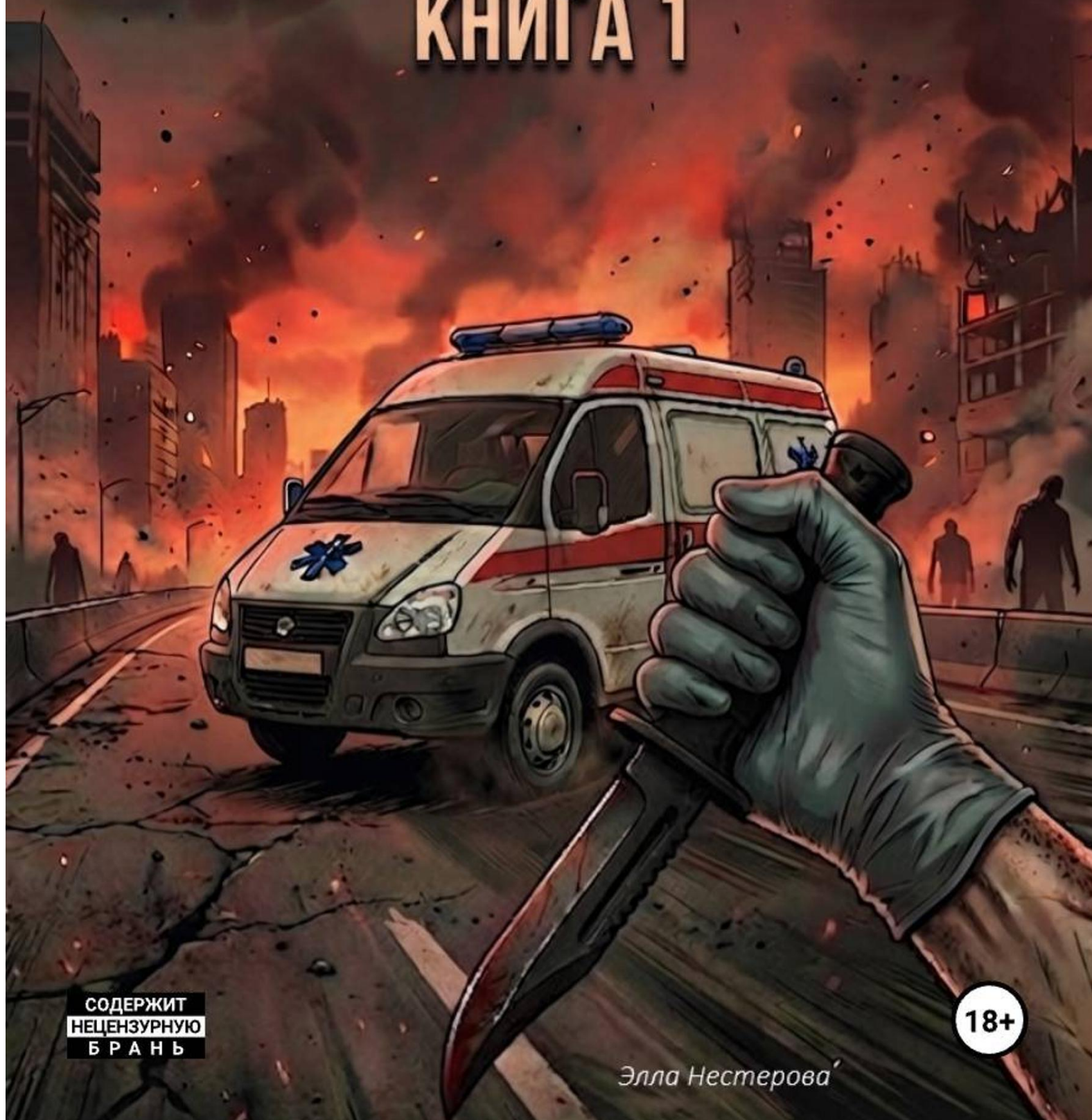

ДИАГНОЗ: АПОКАЛИПСИС

КНИГА 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элла Нестерова

Элла Нестерова

Диагноз - апокалипсис. Книга 1

«Автор»

2026

Нестерова Э.

Диагноз - апокалипсис. Книга 1 / Э. Нестерова — «Автор», 2026

Сирена скорой помощи заглохла навсегда, уступив место липкой тишине апокалипсиса. Для сотрудников обычной подстанции привычные будни сменились дежурствами на выживание. «Диагноз: Апокалипсис» — это мрачная и пронзительная история о фельдшерах, которые привыкли вытаскивать пациентов с того света, но теперь сами оказались на краю пропасти. Смогут ли те, кто всю жизнь спасал других, спасти самих себя?

© Нестерова Э., 2026

© Автор, 2026

Элла Нестерова

Диагноз - апокалипсис. Книга 1

Глава 1

Лучи раннего солнца просачивались сквозь тонкие занавески и ложились на стену неровными пятнами. Будильник зазвонил в 6:00, прорезав тишину, как ржавый нож — ткань сна. Иван проснулся мгновенно, с тем неприятным чувством в животе, которое бывает, когда падаешь во сне в бездну. Сон о море, прохладном и безразличном, испарился, оставив после себя лишь горькое послевкусие несбыточного.

В комнате стоял тяжёлый, застойный воздух. Лето в этом году не просто пришло — оно навалилось на город, как жирный, вспотевший боров, придавив его к асфальту. Даже распахнутые настежь окна не приносили облегчения; снаружи тянуло пылью, бензиновыми парами и странной липкой тишиной, которая ощущалась почти физически, как вата в ушах.

Иван сел, глядя на пустую стену своей «однушки». Девятый этаж. Панельные джунгли. Из окна открывался вид на выжженную парковку, где асфальт, казалось, плавился под безжалостным утренним солнцем, превращаясь в чёрную патоку. Он сел на кровати, и взгляд его невольно упал на стену. Там, в дешёвой рамке, пылилась фотография. Маленький Ваня, пять лет, в нелепых коротких штанишках, которые кололи кожу, и в жёсткой рубашке, пахнувшей казённой прачечной. Он стоит рядом с парой — мужчина в сером пальто, женщина с нервно сжатой сумочкой. На их лицах застыла фальшивая, натянутая улыбка, от которой веяло сквозняком. Единственная фотография с детства.

Иван помнил тот день до последней детали. День, когда его жизнь могла стать другой.

Детдом №4 был местом, где стены, казалось, впитывали отчаяние, как губка. В коридорах всегда пахло хлоркой и вареной капустой — запах, от которого до сих пор скручивало желудок. Воспитательница, Мария Петровна, женщина с лицом, похожим на печёное яблоко, и глазами, выцветшими от равнодушия, всегда носила один и тот же синий халат. Она никогда не называла детей по именам — только «ты» или «эй, ты, ухо остро».

— Улыбайся, — прошептала она тогда, больно дёрнув его за плечо. — Спину ровно. Хочешь, чтобы тебя оставили здесь до восемнадцати?

Ваня не хотел. Он хотел, чтобы его забрали. Он верил, что эти улыбающиеся люди — его шанс. Он даже выучил стишок, за который должна была похвалить «мама». Но потом девочка, нарядная, с бантиком, который казался Ване венцом творения, всё испортила. Мужчина в сером пальто посмотрел на Ваню, потом на девочку, и его глаза, до этого холодные, вдруг ожили.

— Знаешь, — сказал он, обращаясь к женщине, — этот мальчик... в нем что-то есть. Какой-то взгляд... недетский. Мне кажется, он проблемный. Давай возьмем ту девочку. Она такая... легкая.

Ваня помнил, как они ушли. Помнил звук захлопывающейся двери, который эхом разнёсся по пустому коридору.

Потом начался ад. Его обижали не потому, что он был плохим, а потому что он был другим. Старшие мальчишки, с грязными ногтями и глазами, полными бессмысленной жестокости, запирали его в подсобке, где хранились ведра с извёсткой.

— Ты никому не нужен, Ваня, — говорил Димка, верзила с вечно разбитой губой, прижимая его к стене. — Ты — брак. Тебя выкинули, как мусор.

Ваня не плакал. Он привык сжимать кулаки так, чтобы ногти впивались в ладони до крови. Он научился быть тенью. В армии, спустя годы, именно это спасло ему жизнь: умение быть тихим, незаметным, но готовым в любой момент ударить.

Он сидел сейчас на кровати, глядя на фото, и слышал эхо тех голосов. «Ты никому не нужен».

— Зато я выжил, — тихо сказал он в пустоту комнаты.

Он вспомнил Марию Петровну. Она любила приговаривать, положив тяжелую, сухую руку ему на плечо, когда он после очередных побоев сидел, ссутулившись:

— Эй ты, не грусти. Ты сильный. Ты — как сорняк. Сорняки везде растут, даже в асфальте.

Тогда он не понимал, что это не утешение. Это было пророчество.

Иван отвёл взгляд от фотографии. В его глазах отражалась привычная серость спального района. Он не был добрым мальчиком, который верил в чудеса. Он был человеком, который привык к тому, что мир всегда отворачивается, когда тебе протягивают руку.

Он встал, потянулся, разминая затёкшие плечи. Пятнадцать лет на «скорой» превратили его тело в натруженный, скрипящий механизм. Спина ныла, как старая половица, а колени при каждом движении издавали сухой, едва слышный щелчок — напоминание о каждом пациенте, о каждой смене, проведённой на ногах. В зеркале ванной он увидел чужака: лицо, изборождённое морщинами, как топографическая карта неудач, и взгляд — пустой, настороженный взгляд человека, который видел слишком много боли, несправедливости и смертей.

Завтрак был привычным: чашка растворимого кофе и бутерброд с сыром. Пока кофе заваривался, он проверил сумку. Ампулы, жгут, стерильные салфетки. И старый армейский нож. Он лежал в углу, холодная сталь, притаившаяся в тени медикаментов. Логика говорила — зачем он тебе? Интуиция отвечала — может пригодится.

Одеваясь, он бросил взгляд на календарь. Сегодня должна была быть обычная смена — вызовы, пациенты, рутина, которая за годы стала почти утешительной в своей предсказуемости. Он даже планировал после работы зайти в маленький книжный магазин на углу — там недавно появилась серия детективов, которую он давно хотел прочитать.

На улице город казался сломанным. Обычная утренняя суeta превратилась в вялую, дерганную пантомиму. Иван опустил козырёк кепки пониже, чтобы укрыться от слепящих лучей, и зашагал к остановке. По пути заметил, что людей на улицах как будто меньше обычного. Редкие прохожие шли быстро, опустив головы, а в глазах некоторых читалась странная напряжённость. Они двигались быстрее, будто за их спинами кто-то стоял с занесённым топором. Возле ларька с мороженым, который обычно в такую жару был окружён толпой, стояла лишь пара подростков — и те поспешно уходили, не купив ничего.

«Наверное, просто жара всех загнала по домам», — подумал он, садясь в автобус. В салоне работал кондиционер, но воздух всё равно казался тяжёлым и душным.

Снаружи подстанция выглядела как обычно, только тяжёлый воздух давил на плечи. Иван вошёл в бокс, где воздух был пропитан запахом дешёвого табака «Прима» и машинного масла. Бокс для машин был залит тусклым, желтоватым светом люминесцентных ламп, которые гудели, как рассерженные осы.

Первым кого заметил Иван, был его водитель Сергей, невысокий, коренастый, с тёмными, как смоль, волосами и смуглой кожей — в полумраке бокса он был похож на старого цыгана, который застрял здесь не по своей воле, а по какому-то проклятию. Он стоял рядом с «Газелью». Его смуглая кожа казалась землистой в этом свете. Рядом переминался с ноги на ногу водитель ночной смены — худой, вертлявый парень с бегающими глазами, от которого разило потом вперемешку с дешёвым табаком.

— Ты на спидометр смотрел, идиот?

Сергей выплюнул окурок, который тут же зашипел на бетонном полу. Его голос был прокурненным, низким, похожим на скрежет гравия по металлу. — В путёвке одно, на панели — другое. Где бензин, Костик? Ты его что, в багажник слил?

— Да брось, дядь Серёж, — Костик заискивающе улыбнулся, обнажая жёлтые зубы. — Там датчик врёт, ты же знаешь, машина-то старая...

— Датчик у тебя в голове врёт! — Сергей шагнул к нему, и в его глазах блеснул опасный, тёмный огонь. Он был ниже Костики на пол головы, но сейчас казался монолитной скалой. — Ты мне сейчас эту «Газель» до полного бака заправишь, а потом принесёшь отчёт, где каждая капля числится. Если я увижу, что бак пустой, я тебе этот отче в глотку затолкаю. Понял?

Костик сглотнул, его кадык дёрнулся.

— Ладно, ладно... Сейчас сделаю. Чего орать-то?

Сергей обернулся к Ивану, его смуглое лицо было перекошено злостью.

— Видал, Вань? Опять этот крысёныш мутит. Вечно им всё с рук сходит, а мы потом на вызовах гложнем.

Иван встал в стороне, прислонившись спиной к стене, и просто наблюдал.

Внутри него теплилось странное, почти уютное чувство. *Хоть здесь всё как обычно, подумал он. Этот вечный бардак, эти мелкие склоки, этот запах бензина и дешёвого курева — это всё означает, что мир ещё на месте. Что земля ещё вертится.*

— Оставь его, Серёг, — сказал Иван, поправляя сумку на плече. — Давай быстрее, пере-сменка скоро закончится.

— Не, Вань, так нельзя, — проворчал Сергей, уже переключаясь на проверку колес. Он пнул шину, проверяя давление. — Порядок должен быть. Если сегодня дать им сесть на шею, завтра они нам колеса открутят. Порядок — это единственное, что нас ещё держит, понимаешь?

Иван кивнул, хотя его взгляд на мгновение задержался на окне бокса. За стеклом, в утреннем свете, город казался неестественно неподвижным.

— Порядок — это хорошо, ответил Иван, чувствуя, как внутри, где-то глубоко под рёбрами, ворочается липкий комок тревоги. — Но сегодня, боюсь, наш порядок — это просто иллюзия.

— Опять ты за своё, философ, — хрипло рассмеялся Сергей, хлопая дверью машины. — Ладно, иди смену принимай, сейчас этот придурок дольёт топлива, и мы готовы.

В этот момент с лестницы ведущей на второй этаж, где располагались комнаты отдыха и диспетчерская выпорхнула Лена. Молодая девчужка, двадцать три года — возраст, когда жизнь ещё кажется бесконечной. У неё были тонкие, почти фарфоровые черты лица, а светлые волосы были собраны в небрежный хвост, из которого постоянно выбивались пряди. Её большие голубые глаза, обычно сияющие любопытством, сегодня казались какими-то переутомлёнными. Веснушки, рассыпанные по носу и щекам, на её бледной коже выглядели как россыпь звёзд на предзвездном небе.

— Иван Петрович, вы опять сегодня на смену вышли? — она всегда обращалась к нему по имени-отчеству, хотя он просил просто «Иван». — Вы ведь вчера работали, нельзя так перенапрягаться!

— Да ладно тебе, Лен, — отмахнулся Иван. — Скоро отпуск, вот и отдохну.

Она улыбнулась, но улыбка вышла слабой, дрожащей.

— Без вас тут будет не спокойно. Даже посоветоваться не с кем. Сашка до ужаса всего боится, Иван Петрович.

Он только хмыкнул в ответ, но внутри что-то потеплело. За годы работы он привык, что коллеги его уважают — не за звания, а за надёжность.

Лена нервно закусил губу, и веснушки на её щеках словно стали ярче.

— Серьёзно. На прошлой смене мы поехали к одной «Постояшке», — ну, вы знаете, баба Нина, с Октябрьской, которая вызывает, когда ей скучно.

Она понизила голос, оглядываясь по сторонам, словно делилась, государственной тайной.

— Она опять за своё — мол, давление, спасите-помогите. На самом деле ей просто нужен её моксонидин, без него она как без сладкого. Саша ей таблетку дал, а она не действует. Пять минут, десять... У него руки затряслись, лицо белое стало, вот-вот паническая атака начнётся. Я тогда думала, кто из них двоих пациент — бабка или мой фельдшер. Пришлось мне и ей сказки рассказывать, и Сашу по плечу хлопать, чтобы он в обморок не грохнулся. Стыд какой-то.

Иван невольно рассмеялся — коротко, сухо, как будто дерево треснуло.

— Ну, бывает. Саше повезло, что ты с ним была. Он ведь только устроился, «зелёный» ещё совсем. Научится, если не сбежит в первый месяц.

Лена посмотрела на Ивана, а потом на небо за окном, которое над подстанцией сегодня казалось каким-то особенно густым, желтоватым.

— Надеюсь, — тихо сказала она. — Только он опаздывает и на телефон не отвечает.

Иван кивнул, заканчивая разговор. Ему пора было идти принимать смену.

— Да он частенько опаздывает, живёт далековато от подстанции, скоро прибежит, не переживай.

Он поднялся по ступенькам на второй этаж. Внутри пахло хлоркой вперемешку с потом. В коридоре он столкнулся с фельдшером сдающим ему смену — тот выглядел так, будто не спал три дня и только что похоронил родственника.

— Что по ящику? — спросил Иван, кивнув на оранжевый ящик, который стоял на кушетке возле диспетчерской.

— Сдай его обратно в ад, — буркнул коллега, не поднимая глаз. — Все заправил, всё на месте. Наркотики не тратили.

Иван не стал пытать у напарника, почему тот выглядит как человек, только что вернувшийся с того света. И так было понятно, что этой ночью поспать им не дали.

— Свободен, — коротко бросил Иван.

Тот не заставил просить дважды. Он просто кивнул, подхватил свой портфель и вышел, даже не обернувшись. Его шаги по линолеуму звучали как удары метронома, отсчитывающего последние минуты нормальности.

Иван прошёл в комнату отдыха. Здесь стоял густой запах кофе, дешёвого парфюма и какого-то специфического, почти приторного духа усталости, который въедался в стены панельных зданий навсегда.

Он начал переодеваться. Форма, висевшая на крючке, пахла порошком и потом. Одевая её, Иван чувствовал, как меняется его личность. С гражданской одежды, пахнувшей домом и одиночеством, он сбрасывал и самого себя — «просто Ивана», — облачаясь в броню фельдшера. Теперь он был частью механизма, государственным винтиком, предназначенным для того, чтобы латать дыры в реальности, пока та окончательно не расплзётся.

Он привычно затянул ремень. Провёл ладонью по ткани василькового цвета со светоотражающими полосками, расправляя складки. Одел жилетку с большим количеством карманов, забитых разными вещами. Достав из верхнего кармана пачку сигарет, он проверил сколько штук в пачке осталось. Пачка была почти полной. Запах табака умиротворяюще ударил в ноздри, принеся какое-то мгновенное расслабление.

Он взял свою папку с бумагами, закинул сумку на плечо. Она легла удобно, привычно, как продолжение тела. Все готово. Иван посмотрел в маленькое зеркальце, висевшее возле входной двери. Из стекла на него смотрел человек, чьи глаза были цвета грозового неба. Спокойный, суровый взгляд человека, который прошёл через трудности, но не сломался и если жизнь подкинет ему новых испытаний, он ни за что не опустит рук.

Иван вышел в коридор. Подстанция встретила его суетой, к которой за столько лет он уже привык. Казалось само здание живёт своей жизнью, суетясь и вечно куда-то спеша.

Иван сделал глубокий вдох, ощущая привкус пыли и предчувствия.

— Ну что, — прошептал он сам себе, выходя на встречу дню, который уже готовил для него свои самые страшные ответы. — Пора начинать.

Глава 2

Первый вызов поступил в 8:15. Диспетчер коротко сообщила:

— Мужчина, пятьдесят лет, скрючило от боли, не реагирует, адрес Ленина 24, квартира 98.

Иван кивнул, застёгивая сумку. Звук молнии показался ему не естественно громким, похожим на сухой треск рвущейся ткани реальности.

— Поехали, Серёг.

Сирена завывала, прорезая удушливый воздух города, как крик испуганного зверя. Машина рванула с места, и Иван, глядя в боковое стекло, почувствовал, как внутри него что-то сжалось, словно пружина, которую перетянули перед самым прыжком.

Мир за окном начал меняться, пока они ехали. Это не было резким переходом, скорее, город постепенно терял свои привычные черты, становясь декорацией к кошмару. На обочине, возле покорёженной «Лады», стоял детский ботинок — одинокий, испачканный в пыли, он смотрелся так, словно его владелец растворился в воздухе. Ставни магазинов, ещё вчера открытые, теперь были наглухо закрыты, как веки на лице покойника.

Возле парка Иван увидел группу людей. Они стояли, склонившись над чем-то на земле, и их позы казались... неправильными. Они не двигались, не суетились, как обычно бывает в утренние часы, когда все спешат по своим делам. Они просто застыли в едином, хищном порыве, и от этого вида у Ивана по спине поползли ледяные мурашки.

«Просто жара, — подумал он, хотя голос в голове звучал неубедительно, как фальшивая нота в оркестре. — Люди устали, перегрелись. У всех просто помутилось в глазах от этого чертового солнца».

Они уже вырулили на проспект, когда тишину кабины, наполненную гулом мотора и нервным дыханием Сергея, разорвал резкий, настойчивый треск мобильного в кармане Ивана.

Иван выудил телефон. На экране высветилось: *«Валя(Диспетчер подстанции)»*.

— Да, Валентина Петровна? — Иван приложил аппарат к уху, стараясь сохранять голос ровным, хотя внутри него уже поселился холод.

— Иван, вы где?! — голос диспетчера был на грани срыва. Это была женщина, которая не дрогнула, когда в прошлом году на подстанции случился пожар — она тогда руководила эвакуацией, будто отдавала приказы на поле боя. Сейчас же она звучала так, будто захлёбывалась воздухом. — Разворачивайтесь! Нет, стойте... Господи. Иван, тут какая-то дичь творится.

Иван переглянулся с Сергеем, который тут же замедлил ход, инстинктивно почувствовав беду.

— Валентина Петровна, что случилось? — Иван прижал телефон плотнее. — Мы подъезжаем к Ленина, 24. У нас вызов.

— Это уже неважно! — вскрикнула она. На фоне слышались крики — далекие, истошные, переходящие в визг, а потом — глухой удар, будто телефон упал на пол. — Все бригады возвращаются... все в крови. Они нападают, Иван! Пациенты бросаются на врачей, как звери. Укусы... рваные раны. Вы меня слышите? Иван?!

Связь захлебнулась помехами. Сквозь треск доносился звук, от которого у Ивана волосы на затылке встали дыбом — влажное, ритмичное чавканье, а затем короткий, сухой хрип, который внезапно оборвался.

Иван медленно убрал телефон от уха. Экран мигнул и погас.

Сергей, вцепившись в руль, с ужасом смотрел на напарника. Его смуглое начало белеть, как мел.

— Вань... что она сказала? Почему она кричала?

Иван не ответил сразу. Он полез в ящик между сиденьями, выудил две медицинские маски и одну бросил напарнику.

— Надевай. И не снимай, слышишь? Даже если станет трудно дышать. Петровна говорит, город сходит с ума. Остальные бригады возвращаются в крови. Укусы, Серёга. Похоже, какая-то болезнь распространяется очень быстро. Люди странно себя ведут, кидаются на всех, кусают...

— Да ладно, — Сергей дрожащими руками натягивал маску, его голос звучал глухо и неестественно. — Опять какая-то дрянь? Помнишь, как в ковид все скупали гречку? Думаешь, опять из этой оперы? Кто-то съел сырую летучую мышь, и теперь мы все засядем по домам?

Иван не ответил. Он смотрел в окно. Мимо проплывали фасады домов, и с каждой секундой город казался ему все более чужим. На тротуаре он заметил женщину — она стояла к ним спиной, неподвижно, сложив руки на груди. Она не реагировала на вой сирены, на визг тормозов машин, даже когда мимо нее пронесся черный внедорожник, едва не сбив её с ног.

— Смотри на них, Вань, — тихо сказал Сергей, проследившая его взгляд. — Они как будто... выключенные. Будто у них батарейки сели прямо посреди улицы.

— Надеюсь, что это просто психоз, — сказал Иван, чувствуя, как внутри него растёт холодное, тяжёлое предчувствие. — Но если диспетчер паникует — значит, всё совсем плохо. Она из тех, кто не проронит ни слезинки, даже если здание рухнет. — Будь готов ко всему, — добавил он, глядя на пустеющие улицы. — Если люди начнут кидаться — не пытайся с ними говорить. Лучше их не трогать. Понял?

Сергей кивнул, его глаза над краем маски стали узкими и испуганными. «Газель» свернула на проспект, и вдалеке показался нужный дом — серый, безликий, похожий на холодный бетонный склеп. Иван понял: эта смена не закончится привычным «домой, к чаю». Она закончится чем-то совсем иным.

— Серёг, — обернулся он к водителю. Его взгляд был тяжёлым, внимательным.

— Пойдём вместе. Что-то мне здесь не нравится. Здесь тишина... какая-то неправильная. Слышишь? Даже птицы молчат.

— Да брось, Вань, — махнул тот рукой, хотя его лицо стало чуть бледнее обычного. — Обычный вызов. Сейчас дашь парню таблетку, он выпьет чаю и скажет, что просто перенервничал из-за всей этой тревожной повестки.

Иван вздохнул и вошёл в подъезд — Сергей, ворча что-то под нос, все же последовал за ним. Запах затхлости и пыли ударил в нос — странный тяжёлый запах, который бывает в помещениях, где давно не проветривали или где за стеной что-то начало медленно гнить. Лифт не работал — кнопка была вдавлена внутрь, словно её выбили кулаком.

Они начали подниматься по лестнице на девятый этаж. На пятом, в глухом эхо бетонной клетки, они услышали звук сверху. Он был коротким, влажным и каким-то рваным — не то стон, не то хрип, похожий на попытку дышать через глотку, полную воды.

Сергей замер, поднял руку, как дирижёр, остановивший оркестр:

— Слышал? Что это было?

Иван прислушался. Тишина, которая навалилась в ответ, была такой плотной, что казалось, она давит на барабанные перепонки. Только его сердце билось чуть чаще обычного — не от страха, а от осознания того, что он находится на краю обрыва.

— Не знаю, — отозвался он. — Но идём осторожно.

«Спокойно, — сказал он себе, поднимаясь на следующую площадку. — Просто пациент. Ничего необычного».

Но рука сама собой нащупала в сумке рукоятку армейского ножа. Он знал этот нож. Он знал его вес. И сейчас, в этой бетонной коробке, он казался куда надёжней, чем весь его многолетний опыт фельдшера.

Подъём давался тяжелее обычного — жара выматывала, форма не приятно липла к телу. Иван вытер лоб тыльной стороной ладони. Несмотря на усталость, его движения оставались чёткими и выверенными.

На двенадцатом этаже они остановились перед нужной дверью. Кнопка звонка была вырвана, оставив после себя лишь дыру в стене с торчащими, как оголённые нервы, проводами. Иван постучал — звук удара костяшек о старую дверь прозвучал в тишине подъезда, как выстрел.

— Скорую вызывали! — громко произнёс он, стараясь вложить в голос максимум уверенности. — Открывайте.

Тишина. Затем — шаркающие, неровные шаги за дверью. Дверь приоткрылась на цепочке, в щели показалось испуганное лицо женщины лет сорока. Она выглядела так, будто не спала неделю — женщина с измождённым лицом и глазами, в которых застыл немой ужас — впустила их в прихожую. Здесь пахло чем-то кислым, как прокисшее молоко, смешанное с запахом раскалённого металла.

Иван сразу перешёл к делу, его голос был холодным и отрывистым, как выстрел.

— Рассказывайте, что произошло? Где больной?

Женщина прижала ладони к щекам, пальцы дрожали.

— Он... мой муж, он полицейский. Должен был быть на смене... а он пришёл среди ночи домой. Шатался, как пьяный, хотя он почти не пьёт, тем более на работе.

Она сделала судорожный вдох, и Иван заметил, как у неё на шее вздулась вена.

— У него на запястье была рана... странная такая. Не порез, а будто... будто его укусили, что-то круглое. Я хотела промыть, но он оттолкнул меня. Впервые в жизни! Он всегда был добрейшим человеком, мухи не обидит... А с самого утра началось это...

— Что «это»? — перебил Иван, не сводя глаз с двери спальни.

— Он не говорит, что с ним, — прошептала она, и в её голосе прозвучало отчаяние. — только рычит на меня. Сначала просто стонал, а потом начал кидаться на стены. Он заперся там, а я... я за дверью слушала, как он скребётся.

Сергей, стоявший за спиной Ивана, сглотнул.

— Вань, — просипел Сергей, его голос, обычно хриплый и уверенный, сейчас дрожал, как натянутая струна. — Тут росгвардия нужна, а не «скорая». Ты слышишь, что она говорит. Он может быть опасен для всех нас. Ты же сказал, что не надо вступать с такими в контакт, Валяя предупреждала...

— Помолчи, Серёг, — отрезал Иван. Он чувствовал, как нож в сумке тянет его вниз, к полу, как будто сталь сама искала выход. — Мы здесь, и мы поможем. Ты хочешь бросить её здесь? С ним? Одну?

Сергей посмотрел на женщину — на эту женщину, чьи плечи дрожали от беззвучных рыданий, — и снова перевёл взгляд на Ивана. Его глаза бегали, в них проскальзывала трусливая, первобытная надежда на то, что это всё ещё — *нормальный случай*.

— Он всегда был добрым, — повторила она, глядя в пустоту. — Но с каждым часом... с каждым часом он становится агрессивнее. Как будто внутри него кто-то другой занял его тело.

— Понятно, — бросил Иван. — Серёг, стой здесь, — скомандовал он, не оборачиваясь. Если он выскочит — не лезь. Просто вали его на пол, держи и смотри чтобы не укусил, похоже эта зараза передаётся через укус. А вы, — он повернулся к женщине, и его глаза, тёмные и глубокие, заставили её вздрогнуть. — Если я скажу «бежать» — бегите к нашей машине и не оглядывайтесь. Никаких «подождите», никаких «я не могу». Просто бегите.

Сергей нервно потёр лицо смуглыми ладонями, оставляя на щеках грязные полосы от пота.

— Вань, ты... ты как будто на войну собираешься. Это просто больной человек. Ну, бешенство, может...

— Это не бешенство, Серёж, — сказал Иван, глядя на тёмную щель двери спальни, откуда доносилось влажное чавканье. — При бешенстве не скребут пол когтями.

Он шагнул вперёд, чувствуя, как половицы стонут под ногами, словно предупреждая о том, что случится через секунду.

Иван поправил маску на лице и толкнул дверь. Она отозвалась тягучим, жалобным скрипом, словно знала, что за ней ждёт нечто, чему не место в мире живых.

Комната была пропитана полумраком, который казался густым и липким, как застоявшаяся кровь. Плотные шторы, задёрнутые ещё утром, превратили спальню в склеп, где время остановилось. Воздух здесь был не просто жарким — он был плотным, пропитанным едким, сладковато-гнилостным запахом, от которого сразу начинало першить в горле.

На кровати, в самом центре этого затхлого хаоса, сидел мужчина.

Когда-то это был высокий, крепкий полицейский, чья жизнь, состояла из жёсткого графика и дисциплины. Теперь же от него осталась лишь карикатура, жалкое подобие человека. Он сидел, сгорбившись, как сломанная кукла, брошенная ребёнком в углу. Его форменная рубашка была разорвана на груди, обнажая серую, покрытую сетью тёмных, вздувшихся вен кожу. Они извивались пот эпидермисом, как дождевые черви, запертые под тонким слоем прозрачного пергамента.

Но самое страшное — это звук. Он не дышал, как человек. Он издавал сухой, прерывистый хрип, похожий на звук, с которым раздирают сухую ткань.

Мужчина начал раскачиваться из стороны в сторону. Каждый раз, когда его плечи наклонялись, раздавался сухой щелчок костей — этот звук, будто кто-то ломает сухие ветки, в тишине комнаты прозвучал как гром.

Иван сделал шаг, и половица под его ногой отозвалась протестующим стоном.

Мужчина замер. Он перестал раскачиваться, словно механизм, который внезапно обесточили. А затем, с мучительной, суставчатой медлительностью, он начал поворачивать голову.

Иван увидел лицо. Это не была маска боли. Это была маска голода. Глаза, в которых лопнули все капилляры, превратились в два мутных кровавых омута. Зрачки — крошечные, едва заметные точки — бешено метались, пытаясь сфокусироваться. Угол рта был опущен, а из уголка губ стекала вязкая, желтоватая пена, капающая на одеяло.

— Здравствуйте, — сказал Иван. Его голос прозвучал странно тонко в этой давящей тишине. — Я фельдшер. Давайте я вас осмотрю.

Мужчина приоткрыл рот. Иван увидел, что зубы пациента покрыты тёмным налётом, а десны — кроваво-красные, воспалённые.

— У-у-у... — выдохнул он. И в этом выдохе, в этом утробном звуке, сквозила такая первобытная, нечеловеческая злоба, что у Ивана в животе скрутился ледяной жгут.

Мужчина дёрнулся. Его рука, на которой виднелась странная, рваная рана, запёкшаяся чёрной коркой, — скребнула по простыне. Пожелтевшие ногти вонзились в ткань, разрывая её, как бумагу.

Иван понял: перед ним не человек. Перед ним — голодная тварь, чей мозг был пропитан ядом, превративший человеческое сознание в сплошной, пульсирующий инстинкт нападения.

Эта тварь медленно опустила ноги на пол. Его движения были рваными, лишёнными грации, как у сломанной марионетки, которую кто-то дёргает за нити. Он оскалился, и этот оскал был самым страшным, что Иван когда-либо видел: не как угроза, а как неизбежность.

— Уйди... — прошипел он, и слюна брызнула из его рта, оставляя на полу тёмные пятна.

Существо качнулось, напрягая мышцы, и Иван увидел, как вены в его руках вздулись, почти прорывая кожу. Приготовление к прыжку.

Мужчина с невероятной, неестественной для человека скоростью сорвался с места. Это не был бросок живого существа; это было похоже на то, как если бы кто-то выстрелил из арбалета, натянув тетиву до предела.

Реакция Ивана была мгновенной. Годы, работы на «скорой», превратили его тело в спрессованную пружину. Его движения были отточены годами — он знал, как обезвредить агрессивного пациента, не причиняя серьёзного вреда. Он отпрянул в сторону, чувствуя, как воздух от рывка существа свистнул у самого уха. Пальцы полицейского — костлявые, холодные, как у мертвеца — пронеслись в миллиметре от горла Ивана, сдирая кожу на щеке.

Иван выбросил руку вперед, блокируя следующий выпад. Его предплечье встретилось с локтем нападавшего, и в этот момент Иван понял: кости этого существа стали тверже, чем должны быть. Удар отозвался в плече неприятным зудом, как будто он врезался в обтянутую кожей стальную трубу.

— Серёга! — рывкнул он через плечо, не отрывая взгляда от этих бешеных, кровавых глаз. — Помоги зафиксировать!

Сергей влетел в комнату, споткнувшись о край ковра. Увидев то, во что превратился полицейский, водитель на секунду застыл, открыв рот, но Иван не дал ему времени на ступор.

— Хватай за ноги! Живо!

Вместе они навалились на мужчину. Это было похоже на борьбу с утопленником, который внезапно обрёл силу атланта. Полицейский извивался, его тело выгибалось дугой, позвоночник издавал сухие, хрустящие щелчки. Он не кричал — он рычал, и в этом звуке, исходившем из самой глубины пережатого горла, сквозило чистое, ничем не разбавленное желание разорвать им глотки.

— Что с ним?! — визг Марины ворвался в комнату, как осколок стекла. Она стояла в дверях, вцепившись в косяк.

— Держи его! — прохрипел Иван, вдавливая колено в лопатку существа.

Пальцы полицейского, свободные от хватки Сергея, судорожно впились в запястье Ивана. Иван почувствовал острую, жгучую боль — кожа на его предплечье лопнула под давлением этих грязных, острых ногтей. Красные борозды проступили мгновенно, кровь потекла по рукаву формы.

А потом произошло нечто еще более пугающее.

Мужчина вдруг обмяк. Его голова с глухим стуком ударилась о матрас, тело, до того напряжённое, как стальной трос, разом потеряло всю свою неестественную силу. Дыхание, ещё секунду назад тяжёлое и хриплое, стало ровным, почти убаюкивающим.

Иван отпрянул, тяжело дыша. Сергей медленно разжал руки, его грудь вздымалась, как у загнанной лошади.

— Не знаю это за дичь, — ответил Иван, вытирая окровавленную руку о штанину. Его голос, вопреки всему, остался ровным. — Но это точно не паническая атака.

Он наклонился ближе, осторожно отодвинув край рукава рубашки на запястье пациента. То, что он увидел, заставило его внутренности похолодеть. Под кожей, прямо над пульсом, извивалась тёмная, почти чёрная сеть вен. Они не просто проступали — они шевелились. Словно под тонким слоем эпидермиса заперли клубок мелких, извивающихся червей.

Иван выпрямился, чувствуя, как внутри него растёт пустота. Он перевёл взгляд на женщину, которая стояла в дверях, вжавшись в косяк. Она была бледна как полотно, а её карие глаза, полные ужаса, бегали с Ивана на лежащего на кровати мужчину.

— Как вас зовут? — спросил Иван, стараясь придать голосу максимально мягкий и спокойный тон, чтобы не спугнуть её остатки самообладания.

Женщина сглотнула, её губы дрогнули.

— Марина... — еле слышно ответила она.

Иван внимательнее рассмотрел её: лет сорока, с усталым, но всё ещё красивым лицом. Глубокие, выразительные карие глаза сейчас были расширены от страха, но Иван успел заметить, что в них читается доброта и житейская мудрость, которой не место в этой проклятой квартире.

— Марина,— кивнул он, фиксируя имя в памяти. — Нам нужно уходить. Срочно. Здесь небезопасно. Серёг, помоги ей собрать самое необходимое — документы, воду, немного одежды. И пошевеливайтесь. У нас нет времени на сентименты.

Марина вздрогнула, словно голос Ивана вывел её из транса.

— Он... он проснётся? — прошептала она, глядя на неподвижное тело мужа.

Иван посмотрел на пациента. Тот по-прежнему лежал неподвижно, но вены на его запястье пульсировали всё заметнее, а кожа вокруг раны начала приобретать странный, зеленоватый оттенок.

— Это не ваш муж больше, Марина, — жёстко, без тени жалости произнёс Иван. — Пожалуйста, делайте то, что я сказал. Быстрее.

Пока Сергей и женщина суетились в соседней комнате, сгребая в сумку вещи, Иван остался с «пациентом». Он ещё раз осмотрел его, отмечая, что пульсация вен становится всё более хаотичной. «Это только начало», — пронеслось в голове Ивана. Он оглянулся на окно — за шторами виднелись силуэты людей на улице. Они стояли неподвижно, будто чего-то ждали.

— Странная картина, — пробормотал он себе под нос, чувствуя, как тревога внутри разрастается до размеров физической боли. — Ни на что знакомое не похоже...

Через пару минут Сергей и Марина вернулись — в руках у неё была небольшая спортивная сумка.

— Всё, готовы, — доложил Сергей, нервно оглядываясь на дверь спальни.

— Тогда идём, — Иван первым шагнул в коридор. Достал из сумки свой армейский нож и крепко сжал его в руке. — И помните: держимся цепочкой. Там на улице стоят странные люди, по ходу они тоже заражены, они не двигаются. Выйдем из подъезда и бежим сразу к машине.

Они осторожно вышли из квартиры. Коридор многоэтажки казался непривычно тихим, и эта тишина была такой густой, что в ней хотелось кричать. Иван знал: этот путь на первый этаж станет для них первым настоящим испытанием в мире, который только что перестал быть прежним.

Спуск на первый этаж занял несколько минут. Каждый шорох заставлял Ивана напрягаться, рука невольно сжимала рукоятку ножа в кармане. На пятом этаже они услышали глухой стук сверху — будто кто-то упал. Сергей вздрогнул, женщина тихо вскрикнула.

— Спокойно, — обернулся к ним Иван. — Просто что-то упало.

Дверь подъезда поддалась с сухим, скрипучим стоном, словно не хотела выпускать их наружу. Иван первым шагнул на тротуар, и тут же на него обрушилась жара — не просто летнее тепло, а какое-то удушливое, маслянистое марево, от которого футболка моментально прилипла к спине.

Улица выглядела так, будто город эвакуировали в панике, за пять минут до атомного взрыва. Возле детской площадки валялась брошенная коляска — пустое, покосившееся гнездо на колёсах. На лавочке лежала раскрытая книга, пожелтевшие страницы которой шевелились от ветра, а рядом — опрокинутый стакан с чаем, жидкость из которого уже давно превратилась в липкое, коричневое пятно на асфальте.

Вдали, у перекрестка, стояли люди. Они не двигались. Они были похожи на ржавые гвозди, вбитые в серую поверхность улицы.

— Видите их? — Иван прикрыл Марину плечом, его голос был едва слышным рокотом. — Не смотрите им в глаза. Что-то с ними не так.

— Да что вообще происходит? — прошептала Марина. Её руки, сжимавшие сумку, дрожали с такой силой, что звенел браслет на запястье. — Почему они стоят?

Иван не ответил. «Скорая» стояла всего в двадцати метрах. Двадцать метров — это меньше секунды бега, но сейчас это расстояние казалось ему бесконечной пустыней, которую нужно пересечь под прицелом снайперов.

Они двинулись вдоль дома, прижимаясь к облупившейся кирпичной кладке. Жара давила на виски, а к ней добавилась липкая тревога — ощущение, что за каждым окном, за каждой дверью их провожают тысячи пустых, немигающих глаз.

У следующего подъезда путь им преградили трое. Двое мужчин в грязных рабочих робах и женщина в домашнем халате. Они стояли, покачиваясь, словно в такт какой-то неслышной музыке. Их глаза, мутные и белесые, как у вареной рыбы, смотрели в пустоту, а на губах пузырилась густая, жёлто-розовая пена.

Один из мужчин — тот, чья челюсть была неестественно вывернута в сторону, — медленно повернул голову. Он не видел их, он чувствовал запах живой, пульсирующей крови.

— Назад! — рывкнул Иван, и его голос ударил по тишине, как хлыст. — В подъезд, живо!

Они дёрнулись обратно, но «рабочий» уже сорвался с места. Его движения были рваными, механическими — он бежал как сломанная заводная игрушка, выбрасывая колени под странными углами.

— Бегите к машине! — крикнул Иван, уже срываясь с места. — Я задержу их!

— Ваня, нет! — Сергей попытался рвануться к нему, его лицо исказилось от ужаса.

— Делай, что говорю! — отрезал Иван, выставив перед собой нож. Клинок блеснул на солнце, холодный и безжалостный.

Существо было в двух шагах. Оно зарычало — не голосом, а утробным хрипом, исходящим из самой глубины пережатого горла. Иван сделал короткий шаг в сторону, обманывая инерцию противника. Когда существо рванулось, он резко, почти небрежно, ударил его в колено. Хруст раздробившейся чашечки прозвучал отчётливо, как выстрел в тишине.

Существо пошатнулось, но не упало — лишь завывало, и это был голос, лишенный человечности. Иван, не дожидаясь, пока оно оправится, ушёл от встречного удара грязных ногтей, который мог вспороть ему горло, и нанёс второй удар — прямо в основание шеи, под челюсть.

Нож вошёл легко, как в размягчённое масло. Существо рухнуло на асфальт, забившись в конвульсиях, чёрная, густая жижа начала вытекать из его рта, оставляя на пыльной дороге уродливые следы.

Иван не стал смотреть, жив ли противник. Он рванул к «Газели». Сергей уже распахнул заднюю дверь, Марина, бледная как смерть, ввалилась в салон.

— За руль! — Иван впрыгнул следом, захлопывая дверь с лязгом, который показался ему звоном тюремной решётки. — Серёга, заводи, ради всего святого, дави их, если придётся!

Мотор взревел, машина рванула с места, впечатывая их в сиденья. В зеркале заднего вида Иван увидел, как двое оставшихся — женщина и второй рабочий — медленно, неестественно разворачиваются вслед за уходящей машиной. Они не пытались преследовать. Они просто смотрели, как их добыча ускользает, и их позы снова стали «неправильными».

Марина вжалась в сиденье, прижимая сумку к груди. Её дыхание превратилось в серию судорожных всхлипов.

— Что это было? — прошептала она, глядя на пятна крови на рукаве Ивана. — Что это, господа, такое?

Иван вытер нож о край сиденья и убрал его обратно в карман. Его руки были неподвижны, как куски камня, но внутри, под рёбрами, что-то медленно превращалось в лёд.

— Это уже не люди, Марина, — сказал он, глядя на дорогу впереди, где город начинал медленно, но верно погружаться в хаос. — И если мы хотим выбраться отсюда, нам придётся забыть, что мы когда-то знали слово «сострадание». Теперь главное — не превратиться в то, что только что ползало у нас под ногами.

«Газель» неслась по проспекту, подпрыгивая на каждой выбоине. В салоне стоял едкий запах хлоргексидина, смешанный с гарью и дорожной пылью. Иван, нахмурившись, прижимал марлевую салфетку к рассечённой щеке. Кровь, смешанная с антисептиком, тонкими струйками стекала к подбородку, пачкая воротник формы.

— Вань, ты чего? — голос Сергея из-под маски прозвучал странно — с какой-то излишней, почти наигранной тревогой, будто он пытался убедить самого себя в том, что происходит что-то обычное. Он бросил быстрый взгляд на напарника, хотя дорога требовала полного внимания. — Ты ранен? Покажи!

— Ослеп, что ли? — огрызнулся Иван, не отрывая руки от лица. — Поцарапал он меня. Сергей не сводил с него глаз, и этот взгляд — пристальный, какой-то липкий — начал раздражать Ивана.

— Поцарапал? — снова спросил Сергей, и в его голосе проскользнула странная нотка, словно он ждал ответа на экзамене. — Просто поцарапал? Ногтями? Грязными ногтями?

Иван резко повернулся к нему. Маска Сергея сбилась набок, обнажив часть щеки, и Иван заметил, что у напарника дёргается левый глаз.

— Ты что, оглох, Серёга? — отрезал Иван. — Да, ногтями. Порез — это не укус, не надо тут из меня делать ходячий труп раньше времени. Сосредоточься на дороге!

Марина, вжавшаяся в угол заднего сиденья, не сводила глаз с рук Ивана. Она видела, как он ловко, привычным движением, прижал бинт к предплечью, затягивая узел. Его движения были точными, холодными, профессиональными.

— А если... если в крови что-то есть? — прошептала она, глядя на бинты. — Ну, в грязи под ногтями?

Иван выпрямился, убирая аптечку. Его лицо, несмотря на глубокий порез на щеке, осталось каменным.

— Если бы эта дрянь передавалась через порезы, полгорода уже валялось бы в канавах, — отрезал он. — Я видел их зубы, Марина. Они рычат, они клацают челюстями, они пытаются кусать. Вот где опасность. Укус — это прямой путь заразы. А порез... порез — это просто неприятность. Не делайте из меня пациента, я всё ещё фельдшер, даже если вокруг начался этот бардак.

Сергей снова глянул на него. Его пальцы на руле подрагивали, но глаза оставались всё такими же странными — с расширенными зрачками, которые, казалось, пытались рассмотреть под кожей Ивана что-то невидимое.

— Да, — пробормотал Сергей, возвращая взгляд на дорогу. — Просто порез. Конечно. Ты прав. Я просто... просто нервничаю, Вань. Нервы, понимаешь?

Иван промолчал. Он смотрел в окно на проносящиеся мимо пустые улицы. В глубине души он чувствовал, что Сергей ведёт себя странно — как-то слишком уж настойчиво интересовался именно характером травмы. Но сейчас было не до этого. Город превращался в ловушку.

— Хватит болтать, — сухо бросил он. — Смотри за машинами. Если увидишь дорогу, перекрытую этими... «выключенными» — не останавливайся. Дави.

Сергей кивнул, его челюсть сжалась. В салоне повисла тишина, нарушаемая только гулом мотора и тяжёлым, прерывистым дыханием Марины. Каждый из них понимал: то, что произошло в квартире, было лишь прелюдией. Настоящий кошмар ждал их впереди, в лабиринтах города, где в тишине уже начали раздаваться первые звуки разрываемой плоти.

Сергей вырулил на второстепенную дорогу, когда в салоне затрещала рация. Статический шум сменился голосом — официальным, напряжённым:

Радиоприёмник, до этого хранивший мёртвое молчание, внезапно ожил. Это не был голос диктора — скорее, запись, пущенная по кругу: искажённая, металлическая, будто пропущенная через кучу фильтров, чтобы скрыть дрожь в голосе говорящего.

— Внимание... говорит правительственный канал... В связи с критической ситуацией в городе... всем здоровым гражданам... необходимо покинуть пределы населённого пункта в течение двух часов.

Иван и Сергей переглянулись. В кабине стало так тихо, что было слышно, как в двигателе «Газели» позвякивают остывающие клапаны.

— По истечении двух часов... — голос на мгновение захлебнулся помехами, превратившись в нечленораздельный скрежет, — ...город будет полностью изолирован. Военные формирования приступают к выполнению протокола «Очистка». Любое перемещение после установленного срока... будет считаться угрозой. Повторяем... два часа... до полного карантина.

Запись оборвалась, сменившись коротким, резким гудком, после которого эфир окончательно вымер.

— Чёрт... — Сергей сжал руль так, что побелели костяшки пальцев. — Это что, война?

— Нет, — медленно произнёс Иван, глядя куда-то вдаль. — Это хуже. Но мы выберемся. Держитесь.

Сергей одной рукой стянул маску с лица и бросил её на торпеду, его пальцы заметно дрожали. Он посмотрел на часы на приборной панели — 9:30.

— Два часа, Вань, — его голос, звучал неестественно тонко. — Всего два чертовых часа, чтобы выбраться из этого бетонного лабиринта. Ты слышал? Они не «карантин» будут устанавливать, они будут зачищать всё, что движется.

— Они не будут разбираться, кто кусается, а кто фельдшер, — Иван смотрел на дорогу, где впереди уже начиналась пробка: брошенные машины, люди, с безумными лицами тянущие чемоданы к выезду. — Для них мы все — просто мясо, которое нужно утилизировать.

Марина на заднем сиденье тихо всхлипнула.

— А если... если мы не успеем? Если дороги будут забиты?

Иван повернулся к ней. В его глазах не было жалости, только та самая холодная, хирургическая сосредоточенность, которая не раз спасала его в самые тёмные смены.

— Значит, станем частью статистики, — отрезал он. — Но я не собираюсь умирать от пули солдата, который даже не спросит, кто я такой. Серёга, съезжай с проспекта. Уходи на объездные, через промзону. Там меньше шансов застрять в этом стаде.

Сергей резко вывернул руль, «Газель» с визгом покрышек подрезала какой-то седан и вылетела на обочину, проскакивая в узкий проезд между домами.

— Вань, — Сергей на секунду обернулся, и его глаза, расширенные от адреналина, встретились с глазами Ивана. — Ты ведь понимаешь, что они нам не помогут? Что военные придут не лечить город, а сжигать его.

— Именно, — кивнул Иван. — Поэтому наша задача — не «успеть к военным». Наша задача — успеть проскочить до того, как они сомкнут кольцо. И не дай бог нам попасться им на глаза с укусом или порезом.

Он посмотрел на свои руки — бинт на предплечье выглядел сейчас как белое пятно в сгущающихся сумерках города. Где-то вдалеке, со стороны центра, послышался первый тяжёлый гул — звук, который ни с чем нельзя было перепутать. Звук тяжёлой техники, идущей на расчистку путей.

— Петровна говорила, что все бригады возвращаются в крови, — процедил Иван, глядя на пустующие кварталы. — Если мы вернемся на подстанцию, мы можем просто уткнуться в кучу трупов или... в толпу тех, кто уже не человек. Ты уверен, что нам нужно именно туда?

Сергей покосился на напарника. Он знал этот тон. Знал этот взгляд — взгляд человека, который скорее прыгнет в пасть льву, чем оставит кого-то в беде, но сам произнести этого не мог.

— Там наши вещи, Вань! — Сергей лихорадочно крутанул руль, объезжая брошенную посреди дороги легковушку. — Там антисептики, перевязочный материал, запасные канистры с бензином! Если мы хотим прорваться через кордоны и не сдохнуть в чистом поле, нам нужно собрать всё, что там есть.

Иван отвёл взгляд, сжав челюсти так, что желваки заходили под кожей. Он врал Сергею. И, что ещё хуже, врал самому себе. Ему было плевать на антисептики. Где-то в глубине души, в том самом тёмном уголке, где хранились воспоминания о детдомовских побоях и равнодушии взрослых, пульсировала зудящая потребность — спасти. Его «синдром спасателя», та проклятая игла, на которую он подсел ещё в медицинском колледже, сейчас выкручивала руки сильнее любого наркотика.

«Там могут быть люди, — шептал голос в голове. — Молодые фельдшеры, диспетчеры. Они не должны умереть в запертой клетке».

— Мы ведь не из-за канистр туда едем, — тихо сказал Сергей. Он не спрашивал. Это была констатация факта. — Ты думаешь, там кто-то выжил. Ты думаешь, что если ты их не вытащишь, то никто не вытащит.

Иван молчал. Он смотрел на свои руки, перебинтованные наспех, и чувствовал, как внутри закипает странное, болезненное желание броситься в самый эпицентр. Быть тем самым героем, которым он так мечтал стать в детстве, когда лежал в подсобке с разбитым носом и ждал, что кто-то откроет дверь.

— Мы медики, Серёга, — глухо отозвался он. — И если мы просто уедем, чем мы будем лучше тех, военных, которые хотят нас всех добить?

Сергей тяжело вздохнул, и в этом звуке было всё: и обречённость, и негласное согласие человека, который пойдёт за своим безумным напарником хоть в ад.

— Твой спасатель однажды тебя прикончит, Вань. Но ладно. Поедем. Наши коллеги, это наше семья, мы должны хотя бы посмотреть, что там происходит.

Глава 3

Подстанция показалась впереди — низкое кирпичное, двухэтажное здание, огороженное не высоким заборчиком, который в нынешней тишине казался не защитой, а лишь символической чертой, отделяющей их от того, во что превращался город. Ворота бокса были открыты, словно выбитые изнутри, а на асфальте темнело пятно — густое, дурно пахнущее марево, в котором смешивались машинное масло и то, что Иван старался не называть вслух.

Сергей сбавил скорость, «Газель» катилась вперёд, как будто боясь потревожить этот неестественный покой. Тишина была осязаемой — липкой, как сахарный сироп. Ни привычного утреннего гомона, ни раздражённого гула диспетчерской, и хлопанья дверей. Лишь ветер, гуляющий по двору, лениво гонял обрывок ткани василькового цвета — кусок форменной футболки, которую кто-то носил ещё час назад.

— Слишком тихо, — прошептал Сергей. Его голос дрожал, как натянутая струна. Он притормозил у самого входа.

— Значит, у нас есть шанс успеть, — ответил Иван, его голос стал жёстким, собранным, словно он снова затягивал жгут на ране.

Внутри него что-то щёлкнуло. Он уже не был в кабине, он уже пробирался через коридоры, выискивая выживших, вытаскивая их из лап того, что медленно, как ржавчина, пожирало город. Марина сидевшая в салоне, вжала голову в плечи. Она видела, как изменился Иван: лицо стало маской, глаза — двумя ледяными прорезями. В нем проснулось то самое упорство человека, которое заставляет людей идти в огонь не ради награды, а просто потому, что они не могут поступить иначе.

— Оставайтесь в машине, — бросил Иван, хватаясь за дверную ручку. — Если увидите, что кто-то идёт, — сигнал Серёг. Но я должен проверить, есть ли там кто живой.

— Ваня, может, вместе? — Сергей подался вперёд, его пальцы нервно сжимали обод руля.

— Нет. Если там опасно, лучше я один. Ждите сигнала.

Он вышел из машины. Воздух снаружи был пропитан гарью и сладковатой тошнотворной вонью.

Иван толкнул тяжёлую металлическую дверь бокса, и она отозвалась протяжным, болезненным стоном, который, казалось, прорезал тишину до самого фундамента. В нос ударил густой, приторный коктейль из бензина, старого масла, мочи и той самой сладковатой гнили, от которой сводило скулы.

Внутри царил хаос. Свет ламп дневного света, мигающих в предсмертной агонии, падал на пол под неправильными углами, отбрасывая длинные, дёрганные тени. Бокс, обычно сияющий чистотой, теперь выглядел, как чрево растерзанного зверя.

Здесь, на этой подстанции, Иван провёл лучшие годы своей жизни. Здесь они обсуждали смены за кружкой дешёвого кофе, здесь Сергей доводил до белого каления диспетчеров, здесь рождались их маленькие внутрибригадные шутки. Это была его единственная, настоящая семья — не кровная, но спаянная общими бессонными ночами, литрами адреналина и тем особым, циничным юмором, который доступен только тем, кто слишком часто смотрел смерти в глаза.

Сейчас в боксе стояло только две машины. Двери распахнуты, как вырванные с мясом створки окон. Из одной машины на бетон вывалилась медицинская укладка, её содержимое — окровавленные бинты, ампулы, таблетки — было растоптано, превращено в липкую кашу. В другой машине на сиденье виднелся бурый отпечаток ладони.

Иван почувствовал, как к горлу подкатил ком. Не страх, нет. Это была острая, колющая боль утраты, смешанная с иррациональным желанием закричать. «Где вы все? Где вы?». Его мысли металась, как затравленные зверьки. Ему казалось, что если он сейчас обернётся, то увидит их — живых, ворчащих на начальство, смеющихся. Но бетон был пуст. Только тишина, звенящая, как натянутая до предела гитарная струна.

Он поднялся по лестнице, держась за перила. Его пальцы, привыкшие чувствовать пульс, теперь нащупывали лишь холодный металл, покрытый чем-то вязким.

На втором этаже хаос стал абсолютным. Шкафы выворочены, опрокинуты. Картотеки — тысячи листов с диагнозами — разбросаны, как осенние листья в шторм. Мониторы с разбитыми экранами смотрели на него, как слепые глазницы черепов. Иван замер. Его сознание заблокировалось, пытаясь переварить масштаб разрушения. Он завис, чувствуя, как реальность вокруг истончается, становится картонной декорацией в безумном театре. Он не слышал, как скрипнула половица за спиной. Он не слышал сбивчивого, kloчущего дыхания.

Он был слишком глубоко внутри своей боли, чтобы заметить, как тени в углу ожили.

Валентина Петровна появилась из темноты не как человек, а как кошмар, сошедший со страниц дешёвого чтива. Когда-то она была женщиной, которая помнила дни рождения всех сотрудников. Она была душой этой подстанции — женщиной, чья жизненная сила могла бы питать небольшой город. Высокая, статная, с жёстким взглядом светлых глаз, которые могли пригвоздить к месту любого нарушителя дисциплины, она была той самой «бой-бабой», про которых говорят: на таких вся Россия держится. В её голосе, звучавшем в рации, всегда чувствовалась сталь, но стоило ей закончить смену, как эта сталь плавилась, превращаясь в неискаемый источник тепла.

Она знала про каждого всё. Кто с кем встречается, у кого болеет кошка, кто сегодня не выпался из-за бессоницы. Но больше всего она любила даты. В её большом блокноте, обклеенном старыми наклейками, были записаны дни рождения всех — от санитаров до водителей.

Иван до сих пор помнит свой первый год работы. Тогда он был совсем мальчишкой — дёрганым, замкнутым, привыкшим к тому, что дни рождения — это просто очередные 24 часа, которые лучше пропустить. В тот день он пришёл на смену, ожидая обычного прессинга и тяжёлых вызовов.

Но после смены Валентина Петровна просто сказала: «Никуда не уходи».

Она выгнала всех в столовую, где уже стоял стол, ломившийся от домашней выпечки. Для Ивана это был первый в жизни праздник, настоящий, с тортом и неловкими, но искренними поздравлениями. Он тогда перебрал — кажется, кто-то принёс самодельное вино, — и отрубился прямо на диване в комнате отдыха.

А проснулся он от того, что по телу разливалось уютное тепло. Сквозь тяжёлую, пьяную пелену сна он почувствовал прикосновение — нежное, почти материнское. Валентина Петровна накрывала его пледом, поправляя край, чтобы не дуло. Он помнил тепло её рук, сухих, пахнувших мылом и корицей, и её тихий, почти невидимый шёпот: «Спи, сынок, завтра будет трудный день». Рядом, на тумбочке, стояла кружка с ледяной минералкой — она знала, что с утра его будет мучить жажда.

И вот теперь... Её лицо — маска из серой кожи, перетянутой вздувшимися венами — рванулось к нему. Она не издала ни звука, лишь сухой шелест, похожий на трение сухой бумаги о наждак.

В последнюю долю секунды, когда тень уже накрыла его. Иван почувствовал на своей шее ледяное, омерзительное прикосновение. Мир на мгновение окрасился в черно-белые тона, прежде чем инстинкты, погребённые под слоями шока, вышвырнули его обратно в реальность. Она была рядом — запах гнили, исходящий из её рта, был так силён, что Иван почувствовал его вкус на языке. Это был вкус самого конца.

Иван летел в бездну, прямо в разверзнутую пасть Валентины Петровны. Её пальцы, сухие и жёсткие, как когти стервятника, впились в его плечи, вдавливая в пол. Он видел всё в пугающих деталях: как треснула кожа на её переносице, как под эпидермисом, словно под плёнкой, перекатывались крошечные, ритмично пульсирующие комочки. Это была не просто болезнь, это была биологическая колонизация.

— Тётъ Валь, очнитесь! — его голос прозвучал жалко, тонко, как у школьника, которого зажали в углу дворовые хулиганы.

Она не ответила. Она издала звук, похожий на попытку проглотить щебень. Её челюсть, вывернутая под невозможным углом, рванулась к его горлу. Смерть пахла старой могилой и сырым мясом. Иван упирался ладонями в её грудь, чувствуя, как под форменной рубашкой, бьётся не сердце — а какая-то бешеная, механическая пульсация.

И вдруг — БАХ.

Воздух в коридоре взорвался. Удар пришёл точно в цель.

Лена действовала инстинктивно. Она вложила в этот замах всё своё отчаяние, весь парализующий страх последних часов. Пожарный топор, тяжёлый, сбалансированный кусок стали, описал дугу и с влажным, омерзительным хрустом вошёл в череп Валентины Петровны, чуть выше левой височной кости.

Череп подался, словно перезревшая тыква под молотом. Женщина дёрнулась в конвульсии, её когтистые пальцы на мгновение сжали плечи Ивана с такой силой, что он услышал, как захрустели его собственные кости. А затем она обмякла.

Иван, всё ещё придавленный тяжестью её тела, почувствовал, как на его лицо, на воротник формы, на руки хлынуло что-то горячее. Эта была кровь — густая, тёмно-вишнёвая, почти чёрная. Но она не была однородной. Вместе с ней из глубокой раны на него выплеснулись странные, пульсирующие сгустки.

Это были они. Микроскопические, переплетённые в плотные клубки нити, похожие на бледных, прозрачных червей.

Они выпали на лицо Ивана, на его куртку, на пол вокруг. Иван застыл, боясь даже моргнуть. Он смотрел, как существа, ещё секунда назад яростно извивавшиеся в глубинах мозга Валентины Петровны, коснувшись воздуха и его кожи, внезапно замерли. Они дёрнулись, свернулись в крошечные спирали и... умерли. Они просто превратились в безжизненные, бесцвет-

ные волокна, в сухой осадок, лишённый той дьявольской энергии, которая заставляла тело диспетчера двигаться.

Иван медленно оттолкнул от себя обмякшее тело. Оно скатилось с него, как пустая оболочка.

Лена стояла в двух шагах. Топор выпал из её рук, звонко ударившись о пол. Она смотрела на свои ладони, на края своей формы, забрызганные этой дрянью. И вдруг её прорвало.

— Я... я её... — голос Лены превратился в сдавленный визг. — Я убила её, Иван Петрович! Я убила... она же была добрая... она же...

Она повалилась на пол, свернувшись калачиком рядом с тем, что осталось от Валентины Петровны. Она не могла перестать плакать. Каждый вдох был похож на попытку вдохнуть битое стекло.

— Тише, — Иван, всё ещё покрытый этой липкой, чёрной смесью, поднялся на дрожащие ноги. Он подошёл к ней, но не решился коснуться — его руки были испачканы смертью. — Лена, посмотри на меня. Ты не её убила. Её не стало уже давно. Ты просто освободила её от этого... от этого паразита.

Он посмотрел на свои ладони. В свете тусклой лампы погибшие черви казались просто нитками мусора, но Иван знал: это была причина гибели города.

— Она бы меня убила, Лен, — тихо добавил он, глядя на девушку, которая всё ещё рыдала, обхватив себя за плечи. — Ты спасла мне жизнь. Дыши. Нам нужно уходить... иначе всё это... всё это было зря.

Он протянул ей руку — чистую, нас сколько это было возможно — и Лена, всхлипнув в последний раз, ухватилась за неё. Её ладонь была ледяной, а веснушки на лице казались теперь единственным ярким пятном в этом сером, умирающем мире.

Из-за опрокинутого шкафа, как из норы, показалась голова Саши — худой, шупленький, почти прозрачный в этом полумраке. Его русые волосы, вечно торчащие в разные стороны, напоминали гнездо, сбитое неопытной птицей. На нём была чёрная футболка с блёклым красным крестом на груди, сиротливо смотревшимся на фоне его бледности, и нелепые василькового цвета, узкие штаны, которые в сочетании с ярко-голубыми кроксами делали его похожим не на медика, а на перепуганного клоуна, сбежавшего из цирка. На поясе болталась сумочка, которая, казалось, была единственной вещью, дававшей ему хоть какое-то чувство защиты.

Он стоял, втянув голову в плечи, серо-зеленые глаза, маленькие и бегающие, судорожно сканировали коридор, не задерживаясь ни на чём надолго.

— Вы... вы её убили? — голос Саши был писклявым, полным предательского, липкого страха. Он сделал шаг вперёд, но тут же отпрянул, увидев на полу кашу из гнилой крови и червей возле головы Валентины Петровны.

— Боже, Иван Петрович, это же Тётя Валя! Мы что, теперь... мы что, теперь будем убивать своих?

— Саш, заткнись, — холодно бросил Иван, пытаясь собраться с мыслями, которые роились в его голове. Горе, гнев, страх — все это навалилось на Ивана, будто его придавило тяжёлой надгробной плитой.

— Я... я опоздал на десять минут, — голос Саши дрогнул, срываясь на ультразвуковой писк. — Дали вызов, мы погнали, всё было нормально... А потом, позвонила Валентина Петровна! Она кричала, что мы должны вернуться, что происходит что-то ужасное.

Саша нервно сглотнул, его пальцы до боли вцепились в ремешок сумочки. Он посмотрел на Ивана, потом на Лену, и в его глазах, на фоне грязной, испачканной в чём-то тёмном футболки, мелькнул искренний, первобытный ужас.

С нами был Пашка, — прошептал он, и голос его, прежде дрожащий, вдруг стал почти безжизненным. — Водитель. Вы же знаете его, он всего пару смен отработал, наш ровесник, улыбчивый такой...

Саша на секунду зажмурился, словно пытаясь стереть картинку, застывшую на сетчатке.

— Когда мы заехали на территорию подстанции, Пашка вышел первым. Вокруг был какой-то пиздец, он хотел спросить, что случилось. А потом мы увидели... увидели, что люди странно выглядят, как чудовища. Все наши коллеги бродили вокруг, но это были уже не они. Пашка... он просто побледнел, бросил ключи и побежал. Он закричал что-то, нелепое такое, про «маму»...

Лена, всё ещё сидевшая на полу, всхлипнула и перехватила инициативу, её голос звучал срывающимся шёпотом:

— Он побежал к забору, и я... я видела, как те, заражённые — те, что уже потеряли человеческий облик — все как один обернулись. Они не смотрели на нас, Иван Петрович. Они смотрели на Пашу. Десятки... они сорвались с места. Это была лавина. Они гнались за ним, как свора голодных гиен.

Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— Я так испугалась, что не могла пошевелиться. Мы с Сашей просто стояли, вцепившись друг в друга, а этот гул... этот топот ног... он заполнил всё. Они побежали за ним и это ... Это спасло нас. Мы рванули к входу, заскочили внутрь и забаррикадировались в кабинете старшего.

Саша судорожно выдохнул, его маленькие серо-зеленые глаза снова забегали по стенам.

— Я слышал, как он кричал там, за воротами, — добавил он совсем тихо, и его голос сорвался на хрип. — И я не пошёл. Я ничего не сделал. Я просто задвинул стол и надеялся, что они не вернутся. Мы бросили его, Иван Петрович.

Лена закрыла лицо руками, её плечи снова мелко затряслись. Тишина, повисшая в коридоре, была тяжёлой, свинцовой. Тетерь, когда правда была озвучена, стало понятно почему Саша так отчаянно цепляется за свою сумочку и почему Лена с такой пугающей готовностью схватила топор — в этом мире выживет не тот, кто был смелым, а тот кто первый успеет захлопнуть дверь перед лицом смерти.

В этот момент лестница отозвалась тяжёлыми шагами. На площадку вышли Сергей и Марина, которая побоялась оставаться одна в машине. Сергей, обычно скупой на эмоции, замер увидев перед собой Ивана, Лену, Сашу и бездыханное тело Валентины Петровны.

Его взгляд упал на чёрную кровь, на странные, застывшие комки паразитов, и его лицо мгновенно пошло серыми пятнами.

— Валя... — прошептал он. Это не было вопросом. Это было признанием краха всей его вселенной.

Сергей сделал шаг вперёд, его коренастые плечи дрогнули. Он опустился на колени перед телом женщины, с которой десятки лет делил тяготы ночных дежурств. Он протянул дрожащую руку и коснулся её плеча — так, словно боялся, что она сейчас откроет глаза и накричит на него за то, что он опоздал.

— Валя... Валя, нет... — из его горла вырвался звук, похожий на скулёр подстреленного пса. По щекам, некрасиво и открыто, потекли крупные слёзы. Он раскачивался из стороны в сторону, закрыв лицо руками. — Мы же только вчера... мы же кофе... мы же хотели сходить на шашлык...

Марина застывшая в проходе, прикрыла рот ладонью, подавляя крик.

— Не трогайте! — Саша вдруг дёрнулся, его кроксы нелепо скрипнули по линолеуму. Он отступил к стене, прижимая к себе поясную сумку как щит. — Не трогайте её Сергей! Вдруг это заразно?! Вы видели, что из неё вытекло?! Мы все станем такими, мы все...

— Заткнись! — рывкнул Сергей, поднимаясь. Он не был выше саша, скорее чуть ниже, но в его глазах, красных от слёз горела такая ярость, что фельдшер вжался в стену, превратившись в ещё более жалкое подобие человека. — Она человеком была с большой буквы! Ты понимаешь, что такое — быть человеком? А ты... ты как крыса! Сидел в углу, пока она здесь...

— Мне страшно! — взвизгнул Саша, закрывая лицо руками. — Я просто хочу жить! Почему вы все такие герои, а я... я так не могу!

Иван выпрямился, и в его взгляде, который ещё минуту назад был затуманен болью, теперь застыла сталь. Он был здесь единственный, кто ещё удерживал реальность на плаву.

— Хватит! — его голос, низкий и твёрдый, разрезал хриплые рыдания Сергея, как нож. — Валя бы не хотела, чтобы мы здесь сгнили. Вы слышите? Военные не будут играть в «сортировку». Через час город станет огненным кольцом. Если мы хотим выжить, время на нытьё у нас нет.

Сергей вздрогнул, вытер рукавом лицо, перепачканное слезами и пылью, и медленно поднялся. В его глазах все ещё горела тоска, но ярость уже сменилась сухой решимостью.

— Воду, — скомандовал Иван, глядя на Сашу, который все ещё дрожал, вцепившись в свою сумочку. — Саша, приди в себя! В столовой холодильник. Там были соки, вода, продукты, которые ещё не успели испортиться. Лена, собирай всё, что найдешь съедобного: консервы, печенье, хлеб. Хватайте всё, что не требует готовки. Сергей, Марина — проверьте комнаты. Нам нужны пледы, сменная одежда, фонари. Любая мелочь может стать решающей.

Слова Ивана действовали как нашатырь. Страх никуда не делся, он просто отошёл на второй план, уступив место животному инстинкту самосохранения. Саша, суетливо сглотнув, рванул в сторону столовой, едва не выронив свою сумочку. Лена, по-прежнему бледная, но уже уверенная, двинулась следом.

— Грузим всё в нашу «Газель», — добавил Иван. — Сергей, за руль. Ты знаешь город как свои пять пальцев, ты лучше выведешь нас через промзону, чем кто-либо другой.

Сергей кивнул, его коренастая фигура напряглась. Он подошёл к Марине, взял её за руку — крепко, до побелевших костяшек — и они вместе ушли вглубь кабинетов.

Через пятнадцать минут подстанция ожила суетливым, нервным движением. Они вернулись к машине, нагруженные сумками, бутылками воды, коробками с едой и ворохом вещей. Всё это свалили в салон «Газели».

— По местам! — скомандовал Иван.

Сергей прыгнул на водительское сиденье, тяжело дыша, и с силой вставил ключ в замок зажигания. Иван занял место рядом, на пассажирском кресле, бросив тревожный взгляд на Лену — она устроилась посередине, между ним и Сергеем, вцепившись в свои колени. Марина и Саша залезли в салон, забившись вглубь кучи вещей, среди которых уже маячили медицинские укладки и ящик с бутылками воды.

— Поехали, — тихо, но твердо сказал Иван, глядя на часы.

Двигатель «Газели» взревел — звук, который в наступившей тишине показался оглушительным выстрелом. Машина рванула с места, оставляя позади склеп, в который превратилась их жизнь. Сергей вёл уверенно, его крепкие руки на руле казались единственным якорем в этом мире, который стремительно катился в бездну.

Как только они выехали на центральную улицу, тишина в салоне стала невыносимой. Она давила на уши, густая и липкая, как смола. И в этой тишине, словно в старом, заезженном кинопроекторе, перед глазами каждого начали всплывать картинки — обрывки того мира, который только что схлопнулся, как картонный домик.

Сергей, сжимая руль так, видел, как в кабинете диспетчера на Рождество они все вместе пили чай с лимоном, а Валя — живая, шумная, с глазами, светящимися от тепла — смеялась над его неуклюжей попыткой рассказать анекдот. Он видел лицо водителя Лёхи, который два дня назад сиял от радости, получив первую зарплату, и угощал всех дешёвым печеньем.

Лена, сидевшая между мужчинами, смотрела в окно, где мимо проносились горящие остовы машин. Ей вспомнилось, как она, двадцатилетняя девчонка, впервые переступила порог подстанции. Она помнила запах дешёвого кофе, который всегда стоял в коридоре, и то,

как Валентина Петровна по-матерински поправила ей воротник формы: «Не бойся, девочка. Мы тебя всему научим».

Они бросили их. Всех.

В мыслях Ивана мелькали лица тех, кто сегодня не пришел на смену: вот сидит дома старый фельдшер Михалыч, скорее всего, пьет свой утренний чай, не подозревая, что снаружи мир превратился в инфернальный зоопарк; вот диспетчер Оля, у которой сегодня выходной, наверное, играет с дочкой на даче... Они были живы... Может быть им удастся выжить в этом кошмаре. А все остальные — те, с кем Иван делил хлеб, кому доверял спину, кого учил ставить капельницы — остались там, за спиной, став частью легиона гниющих теней.

Они стали призраками своего собственного прошлого.

Марина в салоне тихо зарыдала, прижавшись к плечу Саши, который сидел, обхватив голову руками. В памяти всплывали фрагменты: шумные пересменки, поздравления с праздниками, даже глупые споры из-за графика отпусков. Всё это теперь казалось невероятным, почти сказочным сном, который прервался резким звонком будильника, оповещающим о начале конца света.

— Прощайте, — прошептал Сергей, и его голос, хриплый и надломленный, утонул в рокоте двигателя.

Это было прощание не с людьми. Это было прощание с человечностью. Они оставляли позади не просто подстанцию — они оставляли там свои души, свои надежды и ту версию себя, которая ещё верила, что если ты делаешь добро, мир ответит тебе тем же.

Город впереди уже превращался в огненную преисподнюю. Чёрные столбы дыма тянулись к небу, как когтистые пальцы, пытающиеся удержать уходящий свет. «Газель» неслась вперёд, маленькая точка в океане хаоса, а внутри неё сидели люди, которые только что осознали: они — последние. Последние, кто помнил, как пахнет кофе в столовой, как звучит смех Валентины Петровны и что значит быть живым до того, как этот мир окончательно сжёт сам себя в безумном приступе первобытной ярости.

Впереди был мост. А за ним — тьма. И больше ничего.

Глава 4

Воздух был пропитан тяжёлой, удушливой духотой — время замерло на отметке 10:30 утра. Но это не был привычный, бодрый утренний свет. Солнце, висевшее высоко в зените, казалось блёклым и больным, едва пробиваясь сквозь пелену чёрного дыма, который застилал небо над городом, превращая утро в подобие грязных, серых сумерек. Город умирал, и его агония была слышна в каждом грохоте, доносившемся из центра, где военные бомбардировщики, словно стальные стервятники, методично превращали кварталы в месиво из бетона и разлагающейся плоти.

Иван чувствовал запах — сладкий, приторный, как перезревшая гниль, смешанная с жжёной резиной и озоном. «Газель» неслась вперёд, дрожа всем корпусом, словно у неё в груди билось больное, перепуганное сердце. Внутри, в тесном пространстве, набитом канистрами, аптечками и липким от пота страхом, было не продохнуть. Сергей сидел за рулём, его коренастая фигура была напряжена до предела, а лицо — мокрая от пота маска сосредоточенности. Рядом с ним, вжавшись в сиденье, сидела Лена. Её веснушки на фоне мертвенно-бледной кожи казались брызгами засохшей крови. В салоне, среди хаоса вещей, Марина прижималась к дрожащему Саше, который всё еще судорожно сжимал свою поясную сумочку, как талисман, способный защитить от самой смерти.

Сергей резко ударил по тормозам — «Газель» клюнула носом, заставив всех в салоне вжаться в сиденья. Впереди мост был наглухо заблокирован. Хаотичное нагромождение брошенных автомобилей — седаны, фургоны, покинутые в приступе животной паники — превратили выезд в кладбище железа.

У самого заграждения копошилась толпа. Человек сорок, измученных, перепачканных копотью и страхом, сустились вокруг баррикады. Их лидер, коренастый мужчина в потёртой байкерской куртке, увидел приближающуюся машину и выскочил на середину дороги, энергично размахивая руками.

— Стоять! — рявкнул он, когда Сергей затормозил в паре метров.

Иван, не дожидаясь приглашения, толкнул дверь и вышел. Воздух сразу ударил в ноздри смесью бензина и чего-то ещё более неприятного. Лидер в куртке подбежал к нему, его глаза, обведённые тёмными кругами недосыпа, лихорадочно блестели.

— Не суйтесь дальше! — выпалил он, не здороваясь. — Проезда нет. Народ побросал тачки, когда начался этот ад, и теперь это мертвая петля. Мы здесь уже час пытаемся расчистить коридор, но нас мало, а они... — он дернул головой в сторону горизонта, где над центром города поднимались багровые столбы дыма. — Они скоро будут здесь. Слышите?

В тишине, наступившей после выключения двигателя, донёсся приглушённый, утробный рокот. Взрывы. Тяжёлая авиация утюжила город, превращая кварталы в пыль.

— Если поможете растащить эти груды металла, — мужчина указал на центральную часть затора, — мы сможем спастись. Но времени — кот наплакал. Тридцать минут, максимум сорок, и мы окажемся в капкане.

Иван обернулся к машине. Сергей уже выходил, хмуро оглядывая фронт работ.

Час работы превратился в вечность, наполненную скрежетом металла и грохотом разрывов. Иван валился с ног, его лёгкие горели, словно он вдыхал не воздух, а раскалённую крошку кирпича. Перед глазами плыло: реальность распадалась на фрагменты, как дешёвая киноплёнка, подпалённая сигаретным окурком.

Он огляделся. Мост превратился в живой муравейник отчаяния. Здесь были женщины, прижимавшие к себе кули с вещами; старики, чьи глаза выражали лишь старческое смирение перед неизбежным; дети, чьи крики тонули в гуле бомбёжек. И среди этого хаоса он увидел нечто, заставившее его на миг усомниться в собственном рассудке.

Саша. Тот самый трусливый, нелепый фельдшер в кроксах. Он наконец отпустил свою драгоценную поясную сумочку. Весь чумазый, с разводами копоты на бледных щеках, он вцепился в бампер седана тощими руками и толкал его с такой яростью, будто пытался вытолкнуть сам ад из своей жизни. Его кроксы скользили по залитому маслом асфальту, но он не останавливался.

— Давай, еще чуть-чуть! — хрипел мужчина в куртке, чей голос теперь звучал как предсмертное карканье.

Группа выживших — те, в ком ещё теплилась искра жизни, — вооружились тем, что попало под руку. Арматура, куски выхлопных труб, обломки зеркал. Они стали стеной. Но орда заражённых, притянутая звуками взрывов и запахом пота, уже накрывала их, как чёрная приливная волна.

Иван видел, как справа от него один из «них» вцепился в мужчину. Раздался хруст, короткий вскрик, который тут же оборвался хлюпающим звуком — и вот уже бывший человек сам стал частью наступающего стада. Крик затих, сменившись утробным рычанием.

Проезд был почти свободен. Оставались считанные метры до прорыва.

Иван краем глаза выхватил сцену, которая навсегда выжглась в его памяти, как клеймо. Женщина. Она стояла в метре от него, вцепившись в руку шестилетнего мальчика. Ребёнок плакал, его тонкий голосок, казалось, прорезал даже грохот самолётов. Она отвернулась на секунду, чтобы подхватить сына на руки, сделать рывок к ближайшей машине...

Иван увидел, как из-за перевёрнутого автобуса хлынула толпа. Это было не просто стадо — это был монолит гниющей плоти. Он хотел сделать шаг вперёд, выставить монтировку, крикнуть, чтобы они бежали, но ноги были как свинцовые.

Было поздно.

Заражённые накрыли их, как чёрная лавина. Иван лишь на миг успел увидеть искажённое ужасом лицо матери и маленькую ладошку, тянувшуюся в пустоту, прежде чем на них обрушилась масса обезумевших тел. Он резко отвернулся, чувствуя, как внутри него что-то окончательно рвётся — тонкая нить, державшая его человечность.

— В МАШИНУ! — взревел он, и голос его сорвался на животный крик, перекрывая даже рёв моторов. — ВСЕ В МАШИНУ, ЖИВО! МЫ УЕЗЖАЕМ!

Сергей уже держал дверь «Газели» открытой. Лена, Марина, Саша — они ввалились внутрь, не глядя назад, охваченные тем же ледяным ужасом. Иван запрыгнул последним, чувствуя, как чьи-то холодные, липкие пальцы едва не коснулись его ноги.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезая их от криков, хруста костей и запаха смерти. Сергей ударил по газам. «Газель» рванула с места так, словно сама смерть гналась за ней по пятам. Все внутри были сплошным комом из чужой крови, чёрной копоти и безумного, трясущегося страха. Они тяжело дышали, хватая ртом воздух, который был пропитан гарью до такой степени, что жёг лёгкие.

Иван не смотрел в зеркала. Он просто смотрел вперёд, в бесконечную, пылающую дорогу, зная, что в этом мире больше нет места ни дням рождения, ни спасению. Остался только путь через ад, который они теперь везли с собой внутри.

Прошло не больше десяти секунд после того, как колеса окончательно покинули бетонное покрытие моста. А потом мир перестал существовать.

Оглушительный, чудовищный грохот ударил по перепонкам так, что Ивана на мгновение ослепило. Заднее стекло «Газели» — единственное, что связывало их с тем, что осталось позади — пошло веером мелких, как чешуя, трещин. Уши заложило, превратив окружающий мир в звенящую пустоту.

Иван и Сергей одновременно дёрнулись к зеркалам заднего вида.

Мост, который секунду назад был последней нитью, связывающей их с цивилизацией, просто исчез. Опоры, словно подкошенные косой гиганта, сложились, и многотонные конструкции вместе с машинами, людьми и тем «стадом», которое только что пожирало их надежды, рухнули в мутную, взбаламученную воду реки. Это было не кино. Это был кошмар, от которого нельзя было проснуться: огромные куски асфальта уходили под воду, унося с собой крики, которые вмиг захлебнулись в рёве падающих обломков.

Несколько долгих мгновений в машине царила гробовая тишина. Только гул в ушах и прерывистое, свистящее дыхание Саши, который всё ещё сжимал в руках кусок арматуры, словно это был святой крест. Его пальцы, белые от напряжения, мелко дрожали, а глаза смотрели в одну точку на отражение себя в окне — там, где ещё недавно была его сумочка, его мир, его безопасность. Сейчас там не было ничего.

Марина, сидевшая рядом, не плакала. Она лишь сильнее вцепилась в локоть Саши, будто искала в этой худенькой, костлявой фигуре подтверждение тому, что они всё ещё существуют в реальности, а не в коллективном бреде.

Сергей, чьи руки на руле дрожали так, что машину слегка водило из стороны в сторону, первым нарушил молчание. Его голос звучал хрипло, будто он жевал песок.

— У меня... у меня дача есть, — выдавил он, глядя на дорогу перед собой пустыми глазами. — Километров восемьдесят отсюда. Глушь. Там поселок почти заброшенный, мы с отцом последний раз были три года назад, когда крышу чинили... Там людей почти нет, одни старики, да и те, наверное...

Он сглотнул, пытаясь подавить подступивший к горлу ком.

— Это лучший вариант, — быстро вставил Иван. Он чувствовал, как от ответственности у него ломит затылок. — Если там тихо, мы сможем переждать. А если нет... по крайней мере, нас не сожгут вместе с этим городом.

Саша, до этого молчавший, вдруг судорожно выдохнул.

— Дача... да, давай на дачу. Лишь бы подальше отсюда. Лишь бы... подальше.

Лена молчала, прижавшись затылком к сиденью. Она видела в зеркале, как речная вода смывает последние следы того ада, из которого они только что выбрались.

— Едем, — скомандовал Иван, положив руку на плечо Сергея. — Сергей, води. Не сворачивай. Нам нужно уйти с основных дорог, пока военные не начали прочёсывать периметр.

Сергей кивнул и вдавил педаль газа. «Газель» понеслась вперёд, подальше от дымящихся руин, оставляя позади город, ставший могилой для тысяч, и устремляясь в сторону дачного посёлка, где, как они отчаянно надеялись, их не найдёт ни зараза, ни огонь. Восемьдесят километров. Восемьдесят километров неизвестности в мире, который, казалось, сошёл с ума окончательно и бесповоротно.

Глава 5

«Газель» шла по разбитому асфальту, выплёвывая из выхлопной трубы облака едкого сизого дыма. Город остался позади, превратившись в далёкое, нереальное зарево, но воздух здесь, вдали от центра, был ничуть не лучше. Он был густым, тяжёлым, пропитанным запахом пыли и странной, тревожной тишины, от которой уши закладывало сильнее, чем от рёва самолётов.

Датчик топлива лениво качнулся и лёг на красную отметку. Сергей вдарил кулаком по рулю — звук получился глухим, безнадёжным.

— Топливо на нуле, — прохрипел он, не глядя на остальных. — Километра два, от силы три, и мы встанем. Дальше только пешком.

Иван, сидевший рядом, потер лицо, оставляя на коже грязные разводы копоты. Он посмотрел в салон, через маленькое окошко. Марина сидела в салоне, обхватив плечи руками, Саша невидящим взглядом уставился в пол, а Лена... Лена просто смотрела в окно, словно ждала, что за очередным поворотом появится другой, «нормальный» мир.

— Ищи место для остановки, — приказал Иван. — Нам нужно топливо. И небольшой отдых. Если где-то стоит брошенная машина, у которой ещё не слили бак — это наш единственный шанс.

Машина ползла по обочине, словно раненый зверь. Впереди, почти сливаясь с придорожной пылью, показался «Опель». Он стоял одиноко, безмолвный свидетель чьей-то прерванной попытки бегства. Машина выглядела почти целой, если не считать чёрных, разбрызганных по дверям пятен, похожих на подсыхшую нефть.

Сергей вышел первым. Иван следовал за ним, сжимая монтировку.

Все выглядело подозрительно тихо. Слишком тихо. У обочины, свернувшись в неестественный, почти эмбриональный комок, лежала женщина. Её беременный живот казался огромным, почти чужеродным на фоне худого тела. Кожа приобрела серовато-синюшный оттенок, словно жизнь покинула её задолго до того, как тело коснулось асфальта. Вокруг — лужа густой, запекшейся крови, а в голове... Иван поморщился. Голова была пробита кирпичом, который лежал здесь же, испачканный в сером веществе. Это не было делом рук «заражённых». Это было делом рук людей, которые, видимо, решили, что так — «гуманнее».

Сергей замер, не в силах оторвать взгляд. В луже запёкшейся крови было нечто, уже потерявшее волю к жизни. Это были те самые «нити» — полупрозрачные, белесые существа, которые они видели в ране Валентины Петровны. Они выглядели как обрывки спутанной лески или варёной лапши, выброшенной на берег. Лишённые своего пульсирующего ритма, они безжизненно лежали в тёмной жиже, вытекшей из проломленного черепа вместе с последними остатками жизни.

Иван подошёл следом и почувствовал, как к горлу подкатывает жёлчь. Один из таких червей, длинный, тонкий, как человеческий нерв, прилип к забитому кирпичу, валявшемуся

рядом. Он выглядел, как пересохший, безжизненный волосок, который больше не подавал признаков движения.

— Боже... — выдохнул Иван, едва сдерживая рвотный позыв. — Они... они вытекли вместе с мозгом.

Самое ужасное было осознание того, что всё это время женщина, возможно, была в сознании, пока внутри неё творился этот биологический кошмар. А теперь — лишь пустая оболочка и дохлые, вытекшие черви, напоминающие отходы какой-то чудовищной лабораторной операции.

Сергей сглотнул, пытаясь прийти в себя. Он уже хотел отойти, как вдруг услышал всхлип — доносился он из салона машины.

Он подошел к окну, заляпанному грязью. За стеклом, в тесной ловушке металла, сидел мальчишка лет десяти. Пухлый, со светлыми волосами, он прижимал к груди руки, а по его щекам текли прозрачные ручейки слез, оставляя чистые полосы на пыльном лице.

— Мама... — прошептал он, глядя прямо в глаза Сергею.

— Вань! — голос Сергея сорвался, превратившись в хрип. — Тут... тут дети.

Там, в тесной ловушке металла, сидели трое.

Мальчик, пухлый, лет одиннадцати, съехался на переднем сиденье. На нем была нелепая голубая футболка с котиком и бежевые шорты, которые теперь казались издевательством над всем происходящим. Его светло-рыжие волосы прилипли к потному лбу, а глаза-льдинки были красными от слез. Он трясся, как осиновый лист, и смотрел на Сергея с таким вселенским ужасом, словно тот был монстром из его худших снов.

Рядом с ним, словно живой щит, сидела старшая девочка. Пятнадцати лет, взгляд янтарно-карих глаз — тяжёлый, как свинец. Она была похожа на маленькую бунтарку в своей чёрной футболке с логотипом «Нирваны» и широких джинсах. Несмотря на то, что её массивные кроссовки были покрыты слоем дорожной пыли, а рыжие волосы спутались в колтуны, в её осанке было что-то, от чего даже у Ивана невольно выпрямилась спина. Она не плакала. Она охраняла.

А рядом с ней, вжавшись в обивку, как привидение, застыла вторая девочка, лет двенадцати. Белые, как лен, волосы и пронзительные голубые глаза, которые смотрели сквозь взрослых, словно она видела не их, а саму смерть. Её белая футболка была небрежно испачкана сажей, на худых запястьях пестрели яркие фенечки — осколки прежней жизни. Она молчала. Была статуей, окаменевшей от шока.

Иван подошёл, стараясь не смотреть на обочину, где в луже крови догнивали остатки паразитов. Он медленно опустился на корточки, стараясь выглядеть как можно менее угрожающим.

— Эй, ребята, — начал он, чувствуя, как внутри всё сжимается от одного вида этого детского ужаса. — Мы не... мы не заражены. Давайте мы вам поможем.

Мальчик в ответ только громче зашмыгал носом, уткнувшись лицом в колени. Он боялся. Боялся всего: людей, монстров, шороха ветра. Он был олицетворением всего того, что должно было остаться в детстве, но теперь оказалось вышвырнуто в мир, где правила писали не взрослые, а каннибалы.

Старшая девочка прищурилась. Она медленно перевела взгляд с монтировки в руке Ивана на его лицо. В этих глазах не было веры, только холодный расчёт выжившего. Она не верила в сказки о «добрых незнакомцах». Она знала, что за улыбками часто скрываются зубы.

— А откуда нам знать? — её голос прозвучал хрипло, неестественно для подростка. — Вы можете быть одними из них. Прячете укусы под куртками. Идите куда шли, оставьте нас в покое, вы нам не нужны.

Когда Лена приблизилась к «Опелю», воздух вокруг нее словно стал чуть прозрачнее, избавившись от тяжелого марева бензиновой гари. Она опустилась на корточки, не обращая внимания на битое стекло и чёрную кровь под ногами.

Миша, забившийся в угол, вдруг замер. Его взгляд, полный животного ужаса, прикипел к лицу Лены. У нее, как и у него, на переносице и щеках рассыпью сидели веснушки — маленькие, золотистые пятнышки, которые сейчас выглядели как знаки принадлежности к одному, уже почти исчезнувшему виду людей. Она не была похожа на монстра. Она была похожа на кого-то, кого он знал в той, другой жизни, где люди не ели друг друга.

— Нам нужно открыть дверь, — мягко сказала Лена, стараясь, чтобы её голос не дрожал. — Мы не можем оставить вас здесь. Вам нужны взрослые, которые позаботятся о вас.

Внутри Лены в этот момент бушевал тихий, ледяной шторм. Эти дети — особенно Миша, с его влажными от слез глазами — были как удар под дых. Где-то там, в другом городе, за сотни километров, у неё оставался младший брат. Она не знала, жив ли он, живы ли её родители, не знала, успели ли они спрятаться, когда начался этот ад. Связи не было — телефон превратился в бесполезный кусок пластика. Смотря на Мальчика, она видела брата. Это было больно, это было почти невыносимо, но именно эта боль заставляла её стоять на коленях в пыли, не отступая.

Иван в это время работал с старшей девочкой. Он видел, как она напряжена — её плечи были взведены, как пружины часового механизма.

— Послушай меня, — сказал он, понизив голос до доверительного, взрослого тона. — Слушай... Ты уже несёшь на своих плечах целую гору. Дай мне часть этой тяжести, хотя бы на пару часов. Ты же просто ребёнок, черт побери.

Девочка смотрела на него исподлобья. Она была угрюмой, недоверчивой, её янтарные глаза оценивали его, как хищник оценивает соперника. Она презирала свою слабость, но глубоко внутри, под слоями «Нирваны» и подростковой бравады, она понимала: Иван прав. Она была слишком мала для этого конца света.

— У нас есть вода и немного еды, — мягко сказала Лена. — Если вы останетесь здесь, вы станете добычей. Мы не хотим вам зла.

Мальчик приподнял голову, глядя на Лену заплаканными глазами. Он увидел в её взгляде что-то, что заставило его чуть ослабить хватку на своих коленях.

— Крис... — прошептал он, дёргая сестру за рукав. — Они... они не выглядят как монстры.

Старшая — Крис — продолжала смотреть на них с недоверием. Младшая же вдруг чуть подалась вперёд, изучая лицо Лены — ища в нем те самые признаки. Наконец, она чуть кивнула, хотя и не произнесла ни слова.

Мальчик шмыгнул носом, глядя на Ивана, и неуверенно произнёс:

— Меня зовут Миша. Это Кристина... моя сестра. А это Эля, наша подруга. Мы просто... мы просто хотим домой.

Кристина перебила его, ее голос был полон стальной решимости:

— У нас теперь нет дома. Мы одни. Откуда нам знать, что вы не бросите нас через пять минут?

— Мы не бросим, — твердо ответил Иван. — У нас есть машина и план. Мы едем на дачу, там есть колодец и не большой деревенский домик. Там должно быть спокойно. Вы с нами?

Миша всхлипнул, его плечи подрагивали.

— Крис... я не хочу здесь оставаться, — едва слышно пролепетал он, не поднимая головы.

Крис на секунду закрыла глаза. Это был момент истины, момент, когда детство окончательно умирало, уступая место необходимости. Она знала: они не протянут здесь и часа, когда придут эти чудовища. Она посмотрела на людей снаружи. На их измученные, серые лица, на

их грязную одежду. Они выглядели так же паршиво, как и все остальные, но в их глазах... в их глазах ещё оставалось что-то человеческое.

После долгой, тягучей паузы, когда казалось, что само время остановилось, раздался щелчок. Дверь «Опеля» открылась.

Дети выходили с пассажирской стороны, подальше от того, что осталось от их матери. Воздух был неподвижен, тяжёл и пропитан удушливой июльской духотой, от которой асфальт, казалось, начинал плавиться, источая тошнотворный химический смрад. Они выходили медленно, словно покидали не машину, а последнее безопасное место во Вселенной. Миша вышел первым — заплаканный, шмыгающий носом, неуверенно переступающий сандалиями по гравии. За ним, молча и настороженно, ступила Эля. Она казалась ещё более хрупкой в своей грязной белой футболке, её взгляд блуждал по округе, не фокусируясь ни на чем. Последней вышла Кристина. Она встала в полный рост, скрестив руки на груди, — настоящая броня из подросткового цинизма и боли. Она не смотрела на взрослых с благодарностью. Она смотрела на них с опаской, ожидая подвоха.

Миша, всё ещё всхлипывая, на мгновение замер, его взгляд скользнул к обочине — туда, где лежало неподвижное, серое тело. В его детском сознании ещё теплилась крохотная, болезненная надежда: вдруг она просто спит? Вдруг она сейчас откроет глаза? Он сделал шаг в ту сторону, его сандалии тихо шлёпнули по пыли.

— Не надо, Миша, — голос Кристины прозвучал как удар хлыста, сухой и ломкий. Она перехватила его за локоть и дернула назад с силой. — Туда нельзя. Мамы там больше нет.

Она смотрела прямо перед собой, в пустоту, где небо сливалось с серым дымом на горизонте.

— Она теперь на небесах, — добавила она, и в этом было столько выученной, горькой лжи, что даже у Ивана сжалось сердце. — Она смотрит на нас оттуда. Пошли.

Миша разрыдался — уже не от страха, а от осознания безвозвратности. Он нащупал ладонь Лены, вцепился в неё влажными пальцами, как в спасательный круг. Лена, чувствуя, как его маленькая рука дрожит, прижала его к себе, невольно погладив по рыжим волосам. Эля шла рядом, тихая, как тень, её глаза — два кусочка холодного неба — были абсолютно пусты.

Когда дети оказались в безопасности, в чреве «Газели», Кристина остановилась. Она сделала вид, что поправляет массивный кроссовок, но затем резко, с грацией испуганного, но решительного зверя, метнулась назад, к телу.

Сергей и Иван, возившиеся со шлангом у бензобака, замерли.

Кристина подошла к матери. Она не смотрела на лицо — эта маска серого воска, искажённая предсмертной судорогой, была для неё запретной зоной. Её пальцы, испачканные в дорожной пыли, дрогнули, когда она коснулась шеи женщины. Она нащупала цепочку. Рывок — тонкий металл больно резанул кожу на её собственных пальцах, но она не отдернула руку.

Рубин. Кроваво-красный, тяжёлый камень, который отец подарил маме, когда она ждала Крис. Единственное настоящее сокровище в их рассыпающемся мире. Она сунула кулон в карман джинсов. Плечи девочки мелко затряслись — один раз, второй, — но она подавила всхлип, сглотнув густую, как дёготь, слюну.

Иван, поняв, что она делает, сделал неловкий шаг вперёд и положил ладонь на её плечо. Его рука, тяжёлая и натруженная, казалась сейчас неуместной, как попытка наложить пластырь на рваную рану.

Кристина дернулась, сбрасывая его руку с такой яростью, будто это был ожог. Она развернулась и, не оглядываясь, пошла к машине. В этой её походке — тяжёлой, упрямой — было больше взрослой боли, чем Иван видел за всю свою жизнь в отделении скорой помощи.

Марина и Саша наблюдали за всем происходящим из приоткрытой двери «Газели». Для них этот момент был не просто очередной остановкой — это было столкновение с финальной точкой невозврата.

Саша, еще недавно такой активный при расчистке моста, теперь сидел на краю сиденья, сгорбившись. Его тощие плечи подрагивали. Он смотрел на Кристину, на то, как она возвращается к телу матери, и его глаза, обычно бегающие и полные тревоги, сейчас застыли. В его голове, судя по всему, пронеслась простая, как лезвие ножа, мысль: «Мы могли бы быть на её месте». Он судорожно сжимал свои ладони, пытаясь унять дрожь, но пальцы отказывались слушаться. Для Саши, который до этого момента старался держаться в тени, этот эпизод стал личным актом похорон его собственного спокойствия.

Марина же не отрывала глаз от Эли. Она видела в этой молчаливой девочке ту самую хрупкость, которую так отчаянно хотела защитить. Когда Кристина дернула Ивана, сбрасывая его руку, Марина вздрогнула. Она понимала, что сейчас Кристина — это не просто ребёнок, это оголённый нерв.

Марина тихо выскользнула из «Газели», когда Кристина направилась к машине.

— Кристина, — позвала она негромко.

Девочка остановилась, но не обернулась. Её спина была прямой. Марина подошла к ней, чувствуя, как горячий воздух, полный запаха тлена, обжигает лёгкие. Она не стала касаться её, помня о том, как агрессивно Кристина сбросила руку Ивана. Марина просто встала рядом, создавая собой незримый барьер между Кристиной и остальными.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — шепнула Марина, и в её голосе, обычно тихом, проступила жёсткая сталь. — Это кажется несправедливым. Это и есть несправедливо. Но у нас теперь есть задача. Мы должны довезти вас в безопасное место.

Кристина мельком взглянула на Марину. В её янтарных глазах на секунду отразилась такая тоска, что Марина едва не отшатнулась.

— Вы все... вы все болтаете, — процедила Кристина, не оборачиваясь. — «Безопасное место», «защитить нас». Ничего уже не будет как раньше, всех спасти невозможно.

Она сделала шаг к «Газели», обойдя Марину. Саша, увидев, что она приближается, неловко вжался вглубь салона, уступая ей место. Он хотел что-то сказать, может быть, предложить воды или просто пробормотать «привет», но горло перехватило. В этот момент он выглядел как нашкодивший мальчишка перед строгой учительницей. Он смотрел на Кристину с каким-то странным почтением — в её холодной, взрослой ярости было больше жизни, чем в его собственном парализующем страхе.

Марина вернулась в машину последней. Она села рядом с Элей и взяла её за руку. Девочка позволила это, её маленькие пальцы, униженные яркими, теперь уже грязными фенечками, оказались ледяными, несмотря на удушающую духоту снаружи.

Саша наконец нашел в себе силы и протянул Кристине полупустую бутылку воды.

— Пей, — коротко сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Тебе нужно.

Кристина посмотрела на него, потом на бутылку, и молча взяла. Она пила жадно, как зверь, не отрываясь, пока не допила почти всё.

Сергей тем временем закончил с топливом. В баке «Газели» плескалось немного бензина — достаточно, чтобы проехать ещё километров пятьдесят, если повезёт.

— Готово, — буркнул он, вытирая пот со лба.

В машине воцарилась тишина, которую нарушало только хриплое дыхание мотора, когда Иван наконец завёл «Газель». Они тронулись с места. Марина продолжала держать Элю за руку, а Саша сидел напротив Кристины, не сводя с нее глаз. Глядя на этих семерых в тесной кабине, Иван понимал: они начали свой путь превращения. И никто из них не знал, кто из них доберется до конца, а кто останется лежать на обочине, рядом с другими тенями этого мира.

«Газель» шла по раскалённому асфальту, гудя, как перегретый чайник. Открытые окна и приоткрытый люк в крыше создавали в салоне не спасительную прохладу, а лишь гоняли по кругу удушливый, сухой воздух, напоенный гарью и пылью. В этом потоке воздуха пахло смертью — приторной, как разлагающиеся цветы, и острой, как жжёная проводка.

За окнами проносились остовы машин. Они стояли на обочинах, как скелеты древних чудовищ — изуродованные, вывернутые наизнанку, с пустыми глазницами разбитых лобовых стёкол. Кто-то пытался бежать, кто-то стал препятствием, кто-то просто сторел, превратившись в груды чёрного металла.

Сергей и Иван молчали, вцепившись в руль и поручень. Впереди, там, где на карте должны были значиться уютные городки с вывесками «Добро пожаловать», горизонт был затянут рваными чёрными знамёнами. Столбы дыма поднимались в небо, разрастаясь в гигантские клубы, которые перекрывали солнце.

— Значит, не только наш, — хрипло нарушил тишину Сергей. Его голос звучал так, будто он пропустил его через мясорубку. — Они бомбят всё. Каждую точку на карте, где есть хотя бы намёк на жизнь. Это не зачистка города, Иван. Это зачистка вида. Эта дрянь везде.

Иван не ответил. Его челюсти сжались так, что заныли зубы. Снаружи пылало июльское солнце, превращая дорогу в адскую сковородку, но внутри, в груди, у Ивана разливался ледяной холод. Это был холод человека, который осознал: им некуда возвращаться. Прошлого больше нет. Есть только эта дорога, этот бензин и эта машина, переполненная страхом.

Чем ближе они подбирались к дачному поселку, тем плотнее становилось «кладбище» на дороге. Машины стояли в три ряда, заклиненные друг в друга в последнем, отчаянном порыве. А между ними...

Сергей вдарил по тормозам, едва не сорвав колеса в занос.

Впереди, среди нагромождения ржавого железа, копошилось нечто серое и бесформенное. Толпы заражённых. Они не бежали — они перетекали от машины к машине, как грязная вода в канализации. Слышался глухой скрежет ногтей по металлу, утробное рычание, похожее на звук работающей бензопилы, захлебнувшейся в крови.

— Не проехать, — отрезал Иван. — Это самоубийство.

— Слушай... я припоминаю, — Сергей ударил ладонью по торпедо. — Есть старая грунтовка. Она уходит левее, через овраг и лесную чащу. Давно там не ездил, лет пять, но дождей не было — должна быть сухой. Попробуем там.

Иван обернулся. В салоне стояла мёртвая тишина. Дети жались друг к другу, Марина обнимала Элю, Саша, бледный как полотно, смотрел в пол. Иван приоткрыл перегородку и встретился взглядом с Кристиной. Её янтарные глаза, холодные и внимательные, ждали команды.

— Слушайте все, — голос Ивана звучал как приговор. — Впереди прохода нет. Там толпы заражённых. Мы разворачиваемся, поедem в объезд, по грунтовке — будет трясти, будет тяжело, но другого пути нет. Потерпите. Зажмите зубы и сохраняйте спокойствие, паника сейчас ни к чему.

Он встретился глазами с Мишей, который вздрогнул от его слов, и на секунду смягчил взгляд.

— Мы вас вытащим. Главное — не смотреть в окна.

Когда «Газель» съехала на щебёночную дорогу, начался ад. Старая подвеска машины, казалось, кричала от боли, каждый камень отдавался в позвоночнике ударом молота. Мишу начало мутить почти сразу — он стал бледным, как кусок мела, а лоб покрылся липким потом. Лена, не теряя ни секунды, выудила из-под сиденья жёлтый пакет для медицинских отходов.

— Дыши, малыш, дыши глубже, — шептала она, укладывая его голову себе на колени. Её пальцы, сухие и лёгкие, начали размеренно перебирать его рыжие волосы. Это было почти магическое действие — в этой безумной тряске, под лязг железа и гул мотора, Миша, измотанный до предела, вдруг обмяк и провалился в тяжёлый, болезненный сон.

Вода кончилась еще час назад. Горло саднило, как будто они жевали наждачную бумагу. Голод стал фоновым шумом, от которого кружилась голова.

К семи часам вечера, когда солнце начало терять свою ярость, превращаясь в мутно-оранжевый шар, за лесной полосой показалось оно.

Они выехали на поляну. Из-под колес взметнулось облако пыли, которое долго висело в неподвижном воздухе, прежде чем медленно осесть на траву. И тут наступила тишина. Не та мёртвая тишина города, полная скрытого рычания, а настоящая, глубокая тишина леса, в которой звенели комары. Воздух здесь был другим — в нем не было гари, в нем был запах разогретой хвои и прелой земли. Неужели? Неужели они вырвались?

Дача Сергея стояла чуть в стороне. Покосившийся деревянный забор, потемневший от времени и дождей, напоминал зубы старого пса. Дом выглядел маленьким, уютным и глубоко печальным. В центре двора раскинула свои корявые ветви огромная яблоня — её тень ложилась на землю плотным пятном, под которым приютилась выцветшая деревянная лавочка. Рядом с ней горделиво высился сруб колодца.

Это место было похоже на капсулу времени. Старая теплица с провисшей плёнкой, заросшие грядки, где среди сорняков пробивались упрямые кусты малины и крыжовника. В глубине огорода можно было угадать ряды картофельной ботвы, а на покосившихся кольях, подвязанные тряпочками, зрели огурцы и помидоры — маленькие, дикие, забытые хозяевами.

Сергей вышел из машины и замер. Он стоял, опустив руки, и смотрел на это буйство запустения.

Здесь пахло не апокалипсисом. Здесь пахло ей.

Света, жена Сергея. Она умерла пять лет назад — не от вируса, не от взрыва, а от медленной, всепожирающей онкологии, которая выпила её до дна. Сергей не был здесь с тех самых пор. Каждый куст, каждая доска в заборе кричали ему о том, как она смеялась, как поправляла волосы, как собирала этот крыжовник в фартук. После её ухода дача превратилась в мавзолей, в пространство, где время застыло в янтаре воспоминаний. Он сбегал отсюда, потому что тишина этого места была громче любого крика.

Он почувствовал, как в груди заворочался холодный, зубастый комок. Лёгкие обожгло воздухом, который вдруг стал казаться тяжелее и слаще, как запах старых, забытых в шкафу духов. Иван подошёл к нему, положил руку на плечо, будто бы зная о чем сейчас думает его друг, но Сергей лишь коротко кивнул, не поворачивая головы.

— Она жива здесь, Вань, — прохрипел Сергей, и в этом голосе было столько одиночества, что оно перекрыло даже ужас последних дней. — В каждом дереве. Она это место обожала. А я... я просто оставил его гнить.

Иван промолчал. Слова были лишними, а тишина была единственной данью уважения тем, кого они потеряли. Он лишь крепче сжал плечо Сергея, и эта простая связь между двумя мужчинами, уставшими до самой кости, стала их первым фундаментом в этом новом, обезумевшем мире.

Наконец, Сергей выдохнул, стряхивая с себя оцепенение, и они вместе шагнули на порог дома, где в полумраке начиналась новая, отчаянная глава их жизни.

Глава 6

Вечер на даче выдался душным — лето в самом разгаре, и даже после заката воздух оставался знойным, будто печь, которая никак не остынет. Под потолком висели пучки ромашки и мяты — они давно высохли, превратившись в хрупкие скелетики, но их призрачный аромат всё ещё боролся с тяжёлым духом пыли и застарелой плесени.

Комната, где все собрались, была небольшой, но уютной: деревянные стены, потемневшие от времени, массивный стол у окна с потрескавшейся краской, полки с консервами и припасами, найденными в сарае. Сквозь щели в ставнях пробивались последние лучи заката, рисуя на полу золотистые полосы. На полу расстелили одеяла и пледы — на них разложили скудный,

но долгожданный ужин: хлеб, остатки колбасы, варёную картошку и свежие овощи и ягоды с огорода.

Марина, с заботливым взглядом и влажными от жары висками, заварила чай в большом эмалированном чайнике. Она разливала его по кружкам, тихо приговаривая:

— Всё будет хорошо.

Миша жадно откусил кусок хлеба, запил чаем и почти сразу начал клевать носом. Пот стекал по его покрасневшему лицу, но он всё равно улыбался — сейчас он чувствовал себя в безопасности.

Эля, самая младшая из детей, прижалась к нему плечом, зевнула и через пару минут уже мирно спала, положив голову на свёрнутое пальто. Её светлые волосы прилипли к влажному лбу, но она даже не замечала этого — усталость взяла своё.

Кристина сидела в стороне. Она почти не притронулась к еде, лишь крутила в руках кружку, глядя в окно, за которым ступали сумерки. Её рыжие волосы, обычно яркие, как огонь, сейчас казались тусклыми в угасающем свете дня. Лицо, обычно настороженное и серьёзное, сейчас выражало глубокую усталость и боль. Она машинально вытерла пот со лба, но взгляд так и не оторвала от окна.

Когда Миша и Эля засопели, свернувшись клубочками на одеялах, Кристина тихо встала, поправила плед на детях и вышла на крыльцо. Жаркий воздух окутал её, но на улице хотя бы дул слабый ветерок.

Иван вышел следом, не дожидаясь приглашения. Он не топал — ступал бесшумно, как хищник, привыкший проверять периметр. Он прислонился к косяку, сложив руки на груди. Его футболка прилипла к телу, а в уголках глаз залегли глубокие тени.

— Стены давят? — спросил он, чтобы разбить эту утробную тишину.

Крис не обернулась. Она смотрела на луну — холодный, безразличный глаз, висящий над верхушками елей.

— Не твоё дело, — отрезала Крис. В её голосе звенел металл.

Иван наконец повернулся. Его глаза, выцветшие от усталости и боли, всмотрелись в неё. В них не было отеческой жалости, которая раздражала бы её сильнее всего. Там была лишь сухая, холодная оценка. Он шагнул к ней — не угрожающе, но с тяжёлым, подавляющим авторитетом.

— Послушай меня внимательно, Крис, — голос Ивана упал до низкого, рокошущего шёпота. — Ты хочешь быть «жёсткой»? Ты хочешь выжечь всё живое внутри себя? Посмотри на меня. Ты видишь здесь героя?

Он грубо ткнул себя в грудь большим пальцем.

— Я вижу не «жёсткую» девчёнку, а ребёнка, который пытается играть в солдатика. Ты такая же, как Миша и Эля. У тебя такие же руки, такие же лёгкие, такое же сердце. И если ты думаешь, что превратишься в кусок льда, ты станешь сильнее — ты дура. Ты станешь первой, кто содохнет, потому что у тебя не будет того, что заставляет человека выживать дольше всех — способности доверять.

Крис хотел было дёрнуться, вырваться, но Иван перехватил её взгляд, не давая отвести глаза.

— Ты взвалила на себя эту гору, думая, что если будешь страдать в одиночку, ты станешь неуязвимой. Это не сила, это глупость. Если ты действительно хочешь стать сильнее, если ты хочешь выжить в этом мире — начни с того, что прими нашу помощь. Учись, наблюдай, впитывай, но перестань замыкаться в себе.

Он сделал паузу, и в его глазах, на секунду, промелькнуло что-то похожее на искреннюю тревогу.

— Когда ты закрываешься, ты теряешь бдительность. Ты перестаёшь видеть, что происходит вокруг, потому что занята переживанием собственного горя. Это убивает быстрее, чем

любая инфекция. Тебе не нужно быть «пустой». Тебе нужно быть живой. Живой — значит, уметь полагаться на тех, кто стоит рядом.

Крис тяжело дышала. Его слова были как пощёчина — холодные, неприятные, но отрезвляющие. Она хотела огрызнуться, но поняла, что внутри неё что-то сдвинулось. Он не жалел её, он не смотрел на неё как на ущербную — разговаривал с ней, как с равной.

— Я просто... я просто не хочу, чтобы кто-то ещё пострадал, — прошептала она, и эта маленькая трещинка в её броне выдала истинный страх.

— Тебе надо выговориться, не держи всё в себе, я выслушаю. — Иван прислонился к перилам рядом с ней. — Иногда слова помогают лучше любых лекарств.

Крис сглотнула. Её губы дрожали, но она стиснула их, превращая в узкую линию.

— В городе начался хаос. Мы с родителями пытались выбраться. Было так жарко, что дышать тяжело... Вдруг увидели маленькую девочку — на неё напал заражённый, а она была совсем одна. Родители бросились на помощь... Но маму укусили. Мы успели спасти Элю. Когда мы выбрались из города, маме стало плохо: её бросило в жар. Сначала она говорила, что это из-за беременности... Но потом она стала агрессивной...

Она замолчала, собираясь с духом. Иван не перебивал. Он ждал.

— Отец выволок её из машины, потому что... Она пыталась напасть на Мишу, попросил нас отвернуться. Но я смотрела... Она никак не успокаивалась, её глаза стали мутными, это была уже не мама. Он ударил её кирпичом по голове. После этого она затихла. Но перед этим она укусила его. Он просто ушёл в лес — наверное, боялся причинить нам боль. Перед уходом он сказал: «Позаботься о детях Крис, теперь ты за старшую».

Иван стоял неподвижно. Он чувствовал, как этот рассказ оседает на его коже холодным налётом. Он не стал её утешать. Он не стал обещать, что всё будет хорошо. Он просто положил свою тяжёлую, мозолистую ладонь на её плечо. Это не было жестом нежности. Это было признанием.

— Жизнь не справедлива, тебе пришлось пережить слишком много. Это ужасно. Твой отец... он всё правильно сделал. Он взял грех на себя, чтобы ты могла остаться собой, чтобы вы выжили. Если ты замкнёшься в себе, ты предашь его жертву быстрее, чем те твари догонят тебя.

— Я стараюсь быть сильной, — прошептала Крис. — Для Миши и Эли. Они ведь ещё совсем маленькие.

— Ты и так очень сильная, — сказал Иван. — Гораздо сильнее, чем многие взрослые.

Крис помолчала, но её напряжённые плечи выдали её. Она была готова сорваться в дом в любую секунду, ей было стыдно за свою искренность, но одновременно на душе стало чуть легче.

— Завтра на рассвете, — вдруг сказал Иван, глядя прямо на неё. Его голос стал жёстким, деловым. — Мы идём на разведку. По соседним участкам. Будем собирать всё, что может пригодиться.

Крис резко обернулась. В её глазах промелькнуло удивление, смешанное с азартом. Она ожидала, что ее оставят нянчить детей, пока взрослые «делают дела».

— Со мной? — переспросила она.

— Со мной, — кивнул Иван. — Но слушай внимательно, Крис. Это не прогулка по парку. В лесу и в соседних домах может быть кто угодно. Твари, мародёры, или просто те, кто сошёл с ума от этого кошмара. Если я скажу «замри» — ты не задаёшь вопросов. Если я скажу «беги» — ты не оглядываешься. Ты будешь делать ровно то, что я скажу. Никакой самостоятельности, никаких «я думала, так лучше». Ошибка там стоит жизни. Твоей, моей, их всех.

Он сделал шаг ближе, вторгаясь в её пространство, заставляя почувствовать всю серьёзность момента.

— Если хочешь быть полезной, начни с того, что научишься подчиняться. У меня нет времени на обучение демократии, когда за спиной дышат заражённые. Ты готова учиться?

Крис сжала кулаки. Внутри неё боролись страх и что-то новое — холодная, расчётливая жажда действия. Она видела в нем человека, который не врёт. Человека, который не будет играть с ней в «доброго дядю». И, возможно, именно это ей сейчас и было нужно. Возможно, этот мрачный тип действительно знал, как выжить в этом распадающемся мире.

— Я готова, — тихо, но твердо ответила она.

Иван чуть заметно кивнул, словно ставя галочку в невидимом списке. Он порылся в кармане, достал складной армейский нож и бросил его Крис. Она едва успела поймать его, лезвие глухо щёлкнуло, отразив лунный свет.

— Потренируйся открывать его одной рукой, пока никто не видит. Завтра утром проверим, насколько ты быстро учишься. А теперь — проваливай внутрь. И чтобы к утру была на ногах.

Иван вытащил из мятой пачки сигарету — она была помятой, как и всё остальное в их жизни, но в ней теплилась крохотная надежда на успокоение. Он чиркнул зажигалкой, прикрыв огонёк ладонью, и глубокая затыжка на секунду вырвала его лицо из тьмы. В этом слабом, рыжем свете его черты казались высеченными из кремня.

Крис, уже взявшаяся за ручку двери, обернулась. Огонёк сигареты, дрожащий в густом воздухе, приковал её взгляд. Она сделала шаг назад, к нему, и в её глазах, обычно холодных, блеснуло нечто почти детское, голодное до взрослых запретов.

— Дай попробовать, — тихо сказала она.

Иван выдохнул густой, серый дым, который медленно растворился в ночи, как призрак. Он посмотрел на нее с такой суровостью, что Крис на секунду сжалась.

— Вот ещё, — проворчал он, глядя на неё. — Ишь чего захотела, мне самому мало. Ступай спать, пока я добрый.

Крис фыркнула. В этом звуке было больше подростковой ярости, чем страха, и в этом был хороший знак. Она смерила его презрительным взглядом, сжав губы в тонкую полоску.

— Старый жмот, — бросила она, не оборачиваясь, и толкнула дверь.

Дверь скрипнула и закрылась, отрезав свет из дома. Иван остался один в темноте, которая теперь казалась не такой уж пустой. На губах у него играла едва заметная, почти болезненная усмешка. «Старый жмот», — повторил он про себя, и это слово вдруг отозвалось в груди странным, почти забытым теплом.

Он поднял голову к небу. Звезды над дачей сияли неестественно ярко, как ледяные иглы, протыкающие бархат ночи. В этой тишине, где каждый шорох в лесу мог быть предвестником конца, эта забавная, резкая грубость девочки вдруг показалась ему самым ценным подарком. Она не пыталась быть покорной, не пыталась играть роль жертвы — она огрызалась, как маленький, злой терьер. И это было хорошо.

Иван затаился в последний раз, чувствуя, как никотин лениво растекается по венам, притупляя острые углы памяти. Где-то в доме тихо скрипнула половица, и он представил, как Крис ложится рядом с детьми, сжимая в руке его нож.

Он потушил окурок о перила, чувствуя, как на душе — там, где ещё минуту назад был лишь холодный пепел — стало чуточку теплее. Они всё ещё были здесь. Они всё ещё дышали. И, черт возьми, завтра они дадут этому миру бой.

Иван снова посмотрел на звезды. Они не давали ответов, но сегодня ему их было и не нужно. Сегодня он просто был жив. И этого было достаточно.

Тем временем в доме остальные тихо переговаривались, стараясь не разбудить детей.

Сергей, Саша и Лена сидели за столом. Перед Сергеем лежала помятая, местами потёртая на сгибах карта, которую он взял из бордочка машины. Он всегда доверял только бумаге.

Навигаторы — это капризные электронные игрушки — всегда подводили в самый неподходящий момент, когда каждая секунда на счету, а вот старая добрая карта никогда не вралась.

— Забор покосился совсем, — говорил Сергей, водя пальцем по краю карты, словно нащупывая путь к спасению. — С той стороны, у сарая, он вообще едва держится. Если мы не подопрём его досками, любой, кто навалится — заражённый или просто голодное зверьё — ввалится во двор вместе с этой гнилой трухой. Нужно пройти по участкам, собрать всё, что осталось от старых домиков, любые доски, гвозди. Нам нужна крепость, а не решето.

Саша, который ещё пару часов назад выглядел как человек, готовый в любую секунду рвануть в лес, сейчас сидел тише воды. Он даже нашёл в себе силы улыбнуться, когда увидел Ивана. Он стал похож на ребёнка, который внезапно повзрослел, осознав, что сказка закончилась, но жизнь — нет.

— А что, если сделать ловушки из лески и консервных банок? — тихо предложил Саша. — Я видел в одном фильме, как парни в лесу так лагерь охраняли. Звук разносится на сотню метров, если кто-то заденет.

Сергей хмыкнул, но в его взгляде не было издёвки.

— В кино, Саш, всё красиво, — он постучал пальцем по столу. — Только в кино у них патронов бесконечное количество и враги всегда выходят по одному. Здесь жизнь поинтереснее. Не всё, что показывают в твоих сериальчиках, работает, когда на тебя пойдёт толпа. Но... банки — это неплохо. Давай попробуем.

Лена, сидевшая рядом, согласно кивнула. Она была сосредоточена, словно решала сложную математическую задачу, от которой зависело, доживут ли они до следующего рассвета.

В углу, в тени, Марина возилась с кухонной утварью. Она не участвовала в «военном совете», но её присутствие было фундаментом, на котором держалось всё остальное. Эта женщина наводила порядок, вымыла посуду, сделала освежающий морс из малины и старалась превратить этот хаос в подобие быта. Когда Марина обернулась, и в тусклом свете лампы её лицо показалось Ивану осунувшимся, но удивительно спокойным.

— Я беру на себя огород и хозяйство, — тихо сказала она. Её голос был ровным, лишённым дрожи, хотя Иван видел, как она на мгновение сжала пальцы на кухонном полотенце. — Буду присматривать за детьми, готовить, следить, чтобы в доме был порядок. Это всё, что я могу.

Она поставила перед Сергеем стакан с морсом. Он поднял на неё глаза — и в этот момент Иван заметил то, чего не видел раньше. Взгляд Сергея задержался на Марине чуть дольше, чем того требовала вежливость. В его глазах, промелькнуло что-то тёплое, почти забытое.

— Спасибо, Марина, — сказал Сергей, и его голос неожиданно смягчился. — Это морс такой вкусный. Ты умеешь делать уют даже там, где его, казалось бы, быть не должно.

Марина лишь на секунду опустила голову. Внутри неё бушевала буря — она только недавно потеряла мужа, и каждый такой жест внимания, каждая попытка Сергея быть добрым отзывались в её сердце глухой, ноющей болью. Она хранила это горе в себе, как запертую в клетке птицу, боясь выпустить его наружу, чтобы не сломаться окончательно. Она попыталась улыбнуться — слабая, почти призрачная тень улыбки, которая не дошла до глаз.

— Я просто стараюсь быть вам полезной, Сергей, — ответила она и отошла в тень, готовясь лечь спать.

— Завтра утром, — голос Ивана прозвучал как удар хлыста, возвращая всех в реальность. — Мы с Крис пройдем по соседним участкам. Поищем материалы, инструменты.

Сергей посмотрел на него и кивнул. В этом взгляде было безмолвное признание: Иван — тот, кто точно сумеет выживать и стать для всех опорой.

— Аккуратнее, — сказал Сергей. — Возьмите с собой карту, чтобы не заблудиться.

Иван кивнул и подошёл к окну. Он смотрел, как снаружи, в непроглядной тьме, покачиваются ветви деревьев, похожие на костлявые руки, тянущиеся к стеклу. Дом жил своей малень-

кой, отчаянной жизнью. Он закрыл глаза. Завтра будет долгий день. И, возможно, последний, когда им ещё будет позволено вести себя так, будто они что-то контролируют. Иван прислушался к стрекоту сверчков, который вдруг оборвался, и понял — ночь только начинается, а вместе с ней начинается и их долгий, кровавый путь к выживанию.

Все разошлись по своим местам. Иван погасил лампу, проверил детей и сел у окна. Где-то в глубине души каждый понимал: впереди много трудностей. Но они не одни — и это давало силы двигаться дальше.

Глава 7

Первые лучи солнца, липкие и жёлтые, как янтарь, просачивались сквозь хвойные иглы, рисуя на земле искажённые, подёрнутые рябью тени. Роса превратила траву в скользкое, блестящее кладбище насекомых. Воздух казался слишком чистым, почти стерильным, как в операционной, где только что закончили мыть пол с хлоркой.

Иван проснулся первым. Он осторожно поднялся с жёсткого топчана, стараясь не потревожить спящих. Его тёмные волосы с заметной проседью слегка спутались, а глубокие морщины у глаз и высокий лоб подчёркивали следы пережитых испытаний. Волевой подбородок чуть дрогнул — он привычно потянулся, разминая затёкшие мышцы, и тихо вышел из дома.

Во дворе его взгляд сразу нашёл Сергея — тот сидел на скамье, сгорбившись, но в его позе не было безнадёжности. Скорее, это была поза человека, который наконец-то нашёл место, где можно просто посидеть. Смуглое лицо с небрежной щетиной, тёмные волосы, слегка выющиеся на висках, — в нём и правда было что-то цыганское.

Иван подошёл бесшумно, остановился рядом и тоже посмотрел вдаль, на лес, окутанный утренней дымкой.

— Всё тихо? — негромко спросил он.

Сергей поднял глаза, слабо улыбнулся:

— Тихо. Ни звука. Ни шороха. Даже звери, похоже, сдохли или сбежали.

Он отхлебнул из кружки, поморщился — чай совсем остыл — и поставил её на скамью.

— Чай остыл? — спросил Иван, присаживаясь рядом. Дерево скамьи скрипнуло под ним — знакомый, домашний звук.

— Да черт с ним, с чаем. Ты посмотри, Ваня, — он кивнул на лес. — Ни звука. В городе утро всегда начиналось с гула, с сигналов машин, с этой вечной беготни. А здесь... здесь утро просто есть. Оно существует само по себе.

Иван прищурился, глядя на росу.

— Ты прав. Раньше я думал, что тишина — это отсутствие жизни. А сейчас кажется, что жизнь — это и есть тишина. Остальное — суета.

Сергей хмыкнул, поправил свои выющиеся волосы и вдруг рассмеялся — тихо, беззлобно.

— Знаешь, я всю жизнь на «скорой» отпахал. Вечная гонка: мигалки, адреналин, чужие драмы. Думал, что без этого я — никто. А сейчас? Сейчас я радуюсь тому, что мы нашли пачку ржавых гвоздей. Мелочь, да? А чувствую себя королём.

— Это не мелочь, — серьёзно ответил Иван. — Это то, что держит наш мир. Мы с тобой как те дети, что строят шалаш в лесу. Нам не нужно много, нам нужно, чтобы крыша не текла.

Сергей кивнул, его взгляд смягчился.

— Марина вчера морс сварила. Из малинки. Я пил и вспоминал детство, когда мы к бабушке в деревню ездили. Вкус такой... забытый. Настоящий. С ней рядом как-то легче становится, Ваня. Она будто знает какой-то секрет, как не дать этому миру окончательно превратиться в гниль.

Иван посмотрел на друга. Он видел, как в Сергее просыпается что-то светлое, что-то, что он, казалось, похоронил в своей «бетонной коробке».

— Береги это, Серёга, — сказал Иван. — Сейчас это дороже золота.

— Буду, — просто ответил Сергей. — Знаешь, я ведь даже начал думать, что после всего этого... может, стоит попробовать что-то посадить? Ну, кроме картошки. Цветы, может? Глупо, конечно. Кому нужны цветы, когда вокруг разруха?

— А кому нужны мы, если мы забудем, что такое красота? — парировал Иван. — Так что сажай. Я помогу.

Сергей усмехнулся, и в этой усмешке промелькнуло что-то цыганское, хитрое и одновременно глубоко печальное. Он провёл рукой по щетине, нервно потирая подбородок, как будто пытался спрятаться за своей рукой.

— Хорошо, что у нас с тобой, Ваня, никого не было в том городе, — произнёс Сергей. — По сути, нам нечего было терять. А вот Марина... Она мужа потеряла. Детишки — родителей. Лена с Санькой — у них родители в других городах остались. Неизвестно, как они это всё переживают.

Иван молча кивнул, засунул руки в карманы. Его широкие плечи чуть напряглись, когда он представил, каково это — знать, что где-то там, далеко, твои близкие могут быть в опасности. Он посмотрел на спящий дом, на окна, за которыми отдыхали товарищи.

— Да, — медленно произнёс он. — Нам, можно сказать, повезло в этом смысле. Никаких проводов, звонков, ожиданий... Чистые листы.

Сергей усмехнулся, но в усмешке не было радости:

— «Повезло» — странное слово тут. Но в чём-то ты прав. Я то вообще думал, что так и состарюсь один в своей маленькой квартирке, никому не нужный. В четырёх стенах, с котом, да и того нет... Поэтому и подработки стал чаще брать — хоть людей видеть, хоть какое-то дело, чтобы не сидеть одному. Одиночество всегда давалось мне тяжело.

Он помолчал, провёл рукой по волосам, взгляд его затуманился воспоминаниями.

— Света умерла, от этой... онкологии... Больше никого не полюбил. Казалось, что всё, жизнь остановилась. Думал, доживу свой век, буду тихо стареть, может, в какой-то деревне... А тут — бац! — эпидемия, хаос, а я вдруг понимаю, что впервые за долгие годы не один.

Иван положил руку на плечо Сергея:

— Знаешь, я тоже долго жил по принципу «ни к кому не привязываться». Но теперь... Теперь я вижу, что это не жизнь. Это просто существование. А сейчас у нас есть шанс построить что-то новое. Не просто убежище, а семью. Настоящую.

Сергей кивнул, выпрямился, расправил плечи:

— Ладно, философ. Пойду воды принесу. А то скоро солнце припечёт, и работать станет тяжелее. Марина обещала на обед что-то особенное придумать.

Иван кивнул, провожая его взглядом. Он чувствовал, как внутри него тоже разливается покой. Всё хорошо. У них есть дом, есть еда, есть надежда. Он достал сигарету, задумчиво покрутил её в пальцах, затем закурил. Пара глубоких затяжек — и он затушил сигарету о край пепельницы, которую смастерил из старой консервной банки, убрал остаток обратно в пачку и спрятал её в карман.

Сергей, набрав воды из колодца, умылся, смахнув капли с лица, и направился к домику — ему нужно было хоть пару часов поспать после ночного дежурства. Его коренастая фигура чуть покачивалась от усталости, но на лице читалось странное, почти непривычное умиротворение.

Иван проводил его взглядом и подошёл к калитке, где лежал старый потёртый рюкзак, он поднял его и начал проверять ремешки, когда за спиной скрипнула дверь. Крис вышла на крыльцо, выглядя так, будто всю ночь проспала в мешке с цементом. Её рыжие волосы торчали во все стороны, а на щеке все ещё красовался отпечаток от пледа, но взгляд был острым, как бритва.

Она натянула медицинскую жилетку, которая висела на ней, как парашют, и смерила Ивана взглядом, полным скепсиса.

— Ты что, собрался с этой хренюю идти? — она ткнула пальцем на старый, потёртый рюкзак. — Выглядит так, как будто сейчас рассыпется в твоих руках.

Иван даже не обернулся. Он медленно проверил молнию на рюкзаке и хмыкнул.

— А ты выглядишь как ребёнок, который стащил форму у фельдшера, чтобы поиграть в спасателей Малибу. Только здесь, милочка, берег не песчаный, а заваленный трупами. Так что застегни молнию, пока не зацепилась за первую же колючку.

Крис фыркнула и демонстративно с силой дёрнула молнию вверх — та жалобно звякнула.

— Да пошел ты. Я хотя бы не воняю табаком за версту. Нас твари учуют раньше, чем мы дойдём до соседского забора.

Иван наконец повернулся. В его глазах плясали смешинки, хотя лицо оставалось каменным.

— Если они учуют тебя раньше меня, значит, у них отменный вкус. Но если серьезно, Крис... если хоть раз откроешь рот, когда нужно будет молчать, я оставлю тебя на съедение первому попавшемуся гнилому соседу. Поняла?

— Ой, боюсь-боюсь, — Крис закатила глаза, но тут же подобралась. — Давай уже двигать. Или ты ждёшь, пока солнце окончательно выжжет тебе мозги?

— Умная такая, — проворчал Иван, открывая калитку. — В пять утра такая смелая, а вчера чуть не разревелась из-за сигареты.

Крис дёрнулась, будто её ударили хлыстом. Её лицо на секунду потемнело, и Иван понял, что перегнул палку. Но она не отвела взгляд.

— Слушай сюда, «старый пердун». Я не ревела. Я просто... мне было паршиво. Разницу улавливаешь? И если ты думаешь, что можешь меня доставать этим, то ты ошибся адресом.

Она сделала шаг вперёд, переступая порог калитки первой. Иван уже взялся за ручку калитки, когда бинт на предплечье слегка зацепился за край забора. Ткань натянулась, и он непроизвольно дёрнулся, поморщившись от резкой, пульсирующей боли.

— Чёрт, — процедил он сквозь зубы.

Крис обернулась. Она заметила, как он на секунду прижал ладонь к руке, и как по его лбу проступила испарина.

— Ты сильно ранен? — она прищурилась, глядя на его грязную повязку, на бинте проступило тёмное, запёкшееся пятно. — Ты всю дорогу делал вид, что у тебя всё пучком, а у тебя рука гниёт?

— Не гниёт, а заживает, — огрызнулся Иван. Он выругался про себя, не стал спорить и пошёл к машине «скорой», которая стояла возле забора.

Крис подошла ближе, скрестив руки на груди. Она смотрела, как Иван, кряхтя, садится на подножку машины и аккуратно снимает старый бинт. Рана выглядела скверно: края были воспалены, кожа вокруг — болезненно-красной.

— Ну ты и идиот, — тихо сказала Крис. В её голосе уже не было злости, только глухое удивление. — Ты думал, само заживёт?

— Я думал, у нас есть дела поважнее, чем возиться с моими царапинами, — Иван открыл ящик. В нос ударил резкий, знакомый запах спирта и антисептиков. Он взял спиртовую салфетку, стиснув зубы, прижал её к ране.

Лицо его побелело, челюсти сжались так, что на щеках заиграли желваки. Крис молча наблюдала. Она не отвернулась. Его пальцы, привыкшие к точности, сейчас дрожали. Он пытался намотать бинт, но край постоянно соскальзывал, а узел получался слабым.

— Дай сюда, буркнула Крис.

Она выхватила у него из рук рулон бинта. Иван хотел было огрызнуться, но осёкся. В её глазах, обычно колючих, сейчас была странная, почти пугающая сосредоточенность — такая бывает у детей, которые учатся собирать сложный пазл, или у врачей, которые знают, что от их рук зависит жизнь.

Она встала прямо перед ним, как маленькая взрослая. Её маленькие, цепкие пальцы ловко перехватили край бинта. Она действовала уверенно, без лишних движений.

— Ты перетянул, — сказала она, слегка ослабляя натяжение. — Если пережать, кровь перестанет ходить, и рука опухнет. Тебе это надо?

— Откуда ты знаешь? — Иван с удивлением смотрел, как она аккуратно расправляет складки ткани на его предплечье.

— Отец всегда учил, — она на секунду замялась, и в её голосе промелькнула тень той боли, о которой они говорили вчера. — Когда мы в походах были. Говорил: «Крис, перевязка должна быть как хороший характер — крепкой, но не душной».

Она закончила узел, заправила хвостик бинта под последний виток и легонько хлопнула по его предплечью — не издевательски, а почти по-матерински.

— Вот. Так лучше?

Иван пошевелил рукой. Боль никуда не делась, но пульсация стала менее болезненной. Повязка лежала ровно, плотно, без единого перекоса.

— Неплохо, — признал он, чувствуя, как внутри, где-то под рёбрами, на мгновение отпускает холодный узел тревоги. — Даже очень неплохо. Если с выживанием не сложится, у нас будет лучший медик на всю округу.

Крис поднялась, вытирая руки о жилетку. Она выглядела смущённой, но в то же время — на голову выше, чем была минуту назад.

— Не рассчитывай на это, — ответила она, снова напуская на себя привычную маску ершистого подростка. — Я не медиком буду. Я буду той, кто пристрелит тебя, если ты начнёшь превращаться в одного из *них*.

Иван усмехнулся — на этот раз вымучено, но искренне.

— Договорились.

Он поднялся, чуть пошатываясь от резкого движения. Боль никуда не делась, она просто стала глуше, превратившись в знакомый гул в голове.

— Ну что, «спасатель», — он кивнул в сторону дачных участков. — Идем? Или ты решила, что раз я ранен, то можно взять выходной?

Крис решительно тряхнула головой, поправляя на себе огромную жилетку.

— Идем. Только не вздумай помереть на полпути. Это испортит все планы.

Они вышли на просёлочную дорожку, в ту самую тишину, которая теперь казалась Ивану не спокойной, а угрожающей. Он чувствовал биение крови в перевязанной руке, и где-то в глубине души знал: это утро — их последний шанс.

Пока Иван и Крис растворялись в утренней дымке, уходя навстречу неведомой опасности, дача медленно оживала. Здесь, в отличие от остального мира, время текло по своим, домашним законам, но даже в этой рутине чувствовалась натянутая струна тревоги.

Сергей, чьи глаза покраснели от бессонной ночи, тихо окликнул Сашу. Тот выбрался из дома, сонно потирая лицо ладонями, ещё не до конца осознавая, где он и почему небо такое ясное.

— Твоя смена, — буркнул Сергей. — Смотри в оба. Если услышишь что-то странное, не беги проверять, а сразу в дом и буди всех. Понял?

Саша кивнул, принимая пост. Он казался сейчас серьёзнее, чем когда-либо: трусливость с лица исчезла, уступив место жёсткой линии челюсти.

Следом за ним на крыльцо вышла Марина. Она не стала тратить время на пустые разговоры. Умывшись холодной водой из колодца — от которой по коже побежали мурашки, а в голове прояснилось, — она тут же принялась за дело. Нужно было разжечь костёр и сообразить какой-то завтрак.

Миша выбрался из дома чуть позже. Он первым делом посмотрел вокруг, и когда понял, что Крис нет, на его лице отразилось искреннее разочарование. Губы дрогнули, он шмыгнул носом.

— А почему она не разбудила? Мы же договаривались... — пробормотал он, глядя на пустой дачный дворик.

Марина, уже занятая подготовкой теста для простых лепёшек, тут же среагировала. Она знала, как быстро в таком возрасте разочарование может перерасти в панику.

— Она не хотела вас будить, Миш. Они на разведке, там может быть опасно, — она мягко, но уверенно подтолкнула его в сторону стола, где лежали овощи с ягодами. — Но у нас здесь дел невпроворот. Если мы хотим, чтобы они вернулись в чистоту и к горячей еде, нам нужно прибраться. Поможешь мне? Эля, иди сюда, будете с Мишой мыть овощи.

Дети, поначалу расстроенные, быстро втянулись. Марина умело создавала иллюзию того, что они — одна большая семья, занятая обычным хозяйством, а не выживанием среди гниющих остатков цивилизации.

Чуть позже на границе участка загремели доски. Лена и Саша, вооружившись найденными в сарае инструментами, начали латать дыры в заборе. Это была тяжёлая, неблагодарная работа: гвозди гнулись, старое дерево рассыпалось трухой, но они колотили их снова и снова.

— Ниже бей, — командовала Лена, придерживая тяжёлый лист фанеры, который должен был закрыть пролом в заборе.

— Да я стараюсь, — отозвался Саша, загоня очередной ржавый гвоздь с таким остервенением, будто прибивал саму смерть к дереву. — Знаешь, а ведь раньше я мечтал... Ну, типа, дом построить...

Он замолчал, осознав, что сейчас они не строят дом, а возводят баррикаду вокруг своего последнего пристанища.

Марина, которая зашла в домик протереть пыль, выглянула в окно. Она видела, как Саша и Лена работают, спина к спине, видела сосредоточенного Мишу, который с гордым видом, но очень неуклюже чистил картошку. Внутри неё что-то сжалось от странного, почти болезненного чувства. Она знала, что этот уют — карточный домик, который может развалиться от одного дуновения ветра, но пока он стоял, она готова была защищать его до последнего.

День только начался, и хотя над дачей светило солнце, никто из них не забывал о том, что в лесу, всего в паре сотен метров, Иван и Крис идут по следу, который, возможно, приведёт их напрямиком в ад.

Глава 8

Крис и Иван шли по дачным улочкам. Лето было в самом разгаре — солнце палило нещадно, воздух дрожал от жары превращая воздух в густое марево. На Крис, поверх футболки с выцветшим логотипом «Nirvana» — где смайлик Курта Кобейна выглядел уже совсем покойником, — была накинута тяжёлая светоотражающая жилетка «Скорой помощи». Она висела на её плечах мешком, хлопая по бокам при каждом шаге.

Но самым приметным были её кроссовки — массивные, с гипертрофированно толстой подошвой, которые сейчас выглядели как два белых кирпича, покрытых слоем серой дачной пыли.

Иван, идущий чуть позади, не сводил с них глаз.

— Слушай, «спасатель», — хмыкнул он, глядя на то, как Крис с трудом переставляет свои «платформы» через торчащий из земли корень. — Ты в этих... батискафах собираешься бегать от заражённых? Или планируешь просто раздавить их весом своей обуви?

Крис остановилась, с шумом выдохнула и смерила его таким взглядом, что если бы он мог убивать, Иван упал бы на месте.

— Это не «батискафы», — отрезала она, чуть дернув плечом, отчего жилетка сползла набок. — Это нормальные кроссовки. У них амортизация. Чтобы ноги не гудели, когда идёшь по асфальту.

— По асфальту? — Иван скептически оглядел разбитую, заросшую колючками тропинку. — Милочка, здесь асфальт видел только тех, кто строил эти дачи при Брежневе. В этих драндулетах ты в первой же канаве либо вывихнешь лодыжку, либо просто застрянешь, как в болоте. Ты выглядишь так, будто стащила их с витрины магазина для рэперов.

— Заткнись, — огрызнулась Крис, демонстративно топнув массивной подошвой. Раздался глухой, внушительный звук, похожий на падение мешка с цементом. — В них удобно. А ты просто завидуешь, потому что твои ботинки выглядят как двадохлыхкота, найденных на помойке.

Иван рассмеялся, но в глубине глаз оставалась тревога.

— Ладно, — примирительно поднял руки Иван. — Главное — не споткнись. Если начнёшься заварушка, я не собираюсь тащить тебя на горбу вместе с этими кирпичами.

— И не надо, — фыркнула Крис, делая широкий шаг и чуть не пошатнувшись от веса собственной обуви. Она выровнялась, поправила жилетку и решительно зашагала дальше, стараясь, чтобы её «платформы» при каждом ударе о землю звучали как можно увереннее.

Дома вокруг стояли, как выбитые зубы: покосившиеся заборы, разбитые окна, заросшие сорняками участки. Некоторые дачи явно пустовали не один год — крыши прогнили, двери сорваны с петель, во дворах валялись остовы старой мебели, обглоданные дождём и временем.

— Тут точно никого нет, — тихо сказала Крис, уже не оборачиваясь.

— Да, — кивнул Иван, вытирая рукавом лоб. — Но не расслабляйся. В таких местах тишина — это приглашение. Держись рядом и... постарайся не издавать столько шума при ходьбе. Твои «кирпичи» слышно за версту.

Крис промолчала, но Иван видел, как она крепче сжала кулаки в карманах жилетки. Она знала, что он прав, но гордость подростка была сейчас её единственным щитом.

Пройдя ещё пару километров, они заметили домик, который выглядел чужеродно среди общей разрухи: крыша целая, стекла в рамах прозрачные, даже одичавшие цветы в клумбе росли какими-то ровными, почти правильными рядами.

— Смотри, — Иван остановился, инстинктивно выставив руку, преграждая Крис путь. — Этот ещё держится. Слишком хорошо держится. Давай проверим.

Он осторожно толкнул калитку. Та скрипнула, нарушив утреннюю тишину. Крис последовала за ним. Дом оказался пустым. На двери висел замок. Иван, не раздумывая, нашёл кусок арматуры и одним резким движением вырвал дужку.

Внутри было странно чисто. На полке стояли книги, на столе — чашка с засохшим осадком чая, потемневшим, как старая кровь. Душная жара в закрытом помещении давила на уши, заставляя слышать стук собственного сердца.

Иван достал из угла три спальных мешка, аккуратно сложенных, упаковку спичек, моток верёвки, коробку гвоздей в хорошем состоянии и пачку рассыпного чая.

— Неплохо, — улыбнулась Крис, утирая пот с лица. — Спички — это вообще подарок судьбы.

— Точно, — кивнул Иван, складывая находки в рюкзак. — Без огня в наше время туго.

Пока Иван упаковывал добычу, Крис уселась напротив, закинув свои огромные кроссовки на край соседнего стула. Снаружи, в зарослях высокой травы, что-то шевельнулось. Крис замерла, вглядываясь в густые тени, но там было пусто. Лишь высокая трава чуть качнулась, словно от проходящего мимо зверя.

— И долго ты на своей «скорой» работал? Просто интересно, сколько времени нужно, чтобы стать таким... ну, чёрствым сухарём

Иван едва заметно усмехнулся — он видел её насквозь.

— Достаточно, ты ещё пешком под стол ходила. Резюме составляешь, чтобы решить, гожусь ли я в лидеры твоего «штаба»? Если да, то предупреждаю: рекомендаций с прошлой работы у меня нет.

Крис фыркнула, демонстративно отвернув голову.

— Очень остроумно. Просто занудство твоё иногда зашкаливает, вот и интересно, откуда оно берётся.

Иван хмыкнул, откладывая гвозди в сторону, и его взгляд потеплел.

— Да занудство тут ни при чём. Просто работа такая... Помню один вызов — выезжаем к одной бабушке, говорит, что ей совсем плохо. Мы с напарником уже ящик наготове, кардиограф, все дела, а она нам: «Сынки, я просто хотела с кем-то поговорить. А то одиноко стало». Мы, конечно, немного охренели, но в итоге посмеялись, чаю с ней попили, жизнь обсудили. Она потом нам пирожков с собой дала, вкусных с капустой, мои любимые между прочим.

Крис рассмеялась и в этот момент её колючесть на мгновение исчезла.

— Здорово! А у нас с Мишей была одна забавная история... — её глаза заблестели от воспоминаний. — Мы как-то решили устроить «секретную базу» в сарае у бабушки. Миша принёс туда все свои сокровища: сломанный компас, ржавый ключ, камешки с реки... А я — фонарик, книжку про пиратов и банку с «волшебным зельем» — просто подкрашенная вода.

— И что дальше? — улыбнулся Иван, с интересом посмотрев на неё.

— А дальше мама зашла в сарай за инструментами и чуть не упала от неожиданности: посреди помещения стоял наш «штаб», украшенный флажками из старых простыней, а мы сидели на ящиках и «планировали экспедицию». Она так хохотала, что мы сами не выдержали и присоединились. Потом она нам даже бутербродов принесла — «для отважных исследователей».

Иван громко рассмеялся:

— Вот это да! Настоящий детский штаб.

— Ага, — Крис улыбнулась шире. — Миша потом неделю всем рассказывал, что мы открыли новую страну — «Сарайляндию».

— Отличный был план, — подмигнул Иван. — С таким воображением он точно найдёт выход из любой ситуации.

— Это точно, — кивнула Крис. — Он у нас изобретательный...

Крис замолчала, глядя на свои массивные кроссовки. Улыбка медленно сползла с лица, и в глазах на секунду промелькнуло что-то по-взрослому грустное — воспоминание о доме, которого больше нет.

Иван заметил перемену и тут же решил сменить тон, чтобы не дать ей провалиться в тоску:

— «Отважные исследователи», значит? А сейчас ты в этих «батискафах» топаешь так, что любая экспедиция нас за версту услышит. Лоси в лесу — и те тиши передвигаются.

Крис вскинула голову, и в глазах снова зажглись привычные искры.

— Зато я в этих «копытах» быстрее тебя до дачи добегу, если нас прижмёт! А ты так и будешь ковылять в своих дряхлых кедиках.

Иван хотел ответить, но вдруг осёкся. В тишине дома отчётливо прозвучал глухой стук. Крис мгновенно прыгнула со стула, её кроссовки бесшумно коснулись пола.

В доме стало не просто тихо — воздух словно загустел, превратившись в кисель. Звук доносился из-за хлипкой межкомнатной двери.

Это было скрежетание. Сначала — едва слышное, будто кто-то проводил ногтем по дереву, затем звук стал настойчивее, переходя в глухое, ритмичное царапанье, сопровождаемое влажным, хриплым дыханием, которое больше напоминало свист порванного меха.

Иван жестом показал Крис: достать нож и отойти к самому выходу. Сам он на цыпочках скользнул в прихожую и подобрал топорик. Тот был почти новым: тяжёлая ручка удобно легла

в ладонь, а лезвие, острое, как бритва, тускло блеснуло в полумраке, отразив полоску света из окна.

Они замерли. Иван выдохнул, глядя на Крис:

— Выйди на улицу. Стой там, у крыльца, — одними губами произнес он.

Крис не стала спорить. Она знала — сейчас не время для подросткового бунта. Она бесшумно скользнула за порог, сжимая нож, и замерла на крыльце, вглядываясь в дверной проем.

Иван глубоко вдохнул, перехватил рукоять топорика поудобнее и медленно, миллиметр за миллиметром, потянул дверь на себя.

Из комнаты пахло гнилью и чем-то сладковато-приторным. Первой в проем шагнула женщина. На вид лет шестидесяти, пухлая, в домашнем халате с выцветшими цветочками. Но глаза... Глаза были мутными, затянутыми белесой плёнкой. Тёмные с проседью волосы спутались. Её руки, опущенные вдоль тела, неестественно дергались, а пальцы... Пальцы были изранены в мясо, под обломанными ногтями чернела запёкшаяся кровь — она скреблась в дверь так долго, что содрала кожу до костей. Под бледной, серой кожей на её шее что-то судорожно пульсировало, будто под мышцами перекатывались живые узлы.

Она издала горловой всхлип и шагнула к Ивану. Он не стал ждать. Шаг вперёд, короткий, выверенный взмах — лезвие топорика с глухим чавкающим звуком вошло в череп чуть выше уха.

Женщина осела мешком. Когда её голова ударилась о половицы, из раны, которую оставил топор, повалили белесые, извивающиеся черви. Они тут же начали расползаться по полу, копошась в остатках того, что когда-то было мозгом.

Иван не успел перевести дыхание. Из комнаты, переступая через упавшую женщину, выполз второй. Мужчина, плотного телосложения, был залит кровью так, будто его окунули в чан с краской. Его шея держалась на тонком лоскуте кожи — голова безвольно завалилась набок, болтаясь при каждом движении, как на шарнире.

— Крис, не входи! — заорал Иван, вкладывая всю силу в новый удар.

Топор описал дугу, разрубая ключицу мужчины. Тот повалился, продолжая судорожно дёргаться. Иван, тяжело дыша, ещё раз занёс топор, на этот раз удар пришёлся точно в голову. Мужчина замер и с грохотом упал на пол. Его голова отлетела, ударившись о входную дверь.

Крис стояла у входной двери, вцепившись в нож.

— Ты в порядке?! — её голос сорвался, прозвучав в тишине посёлка как выстрел.

— Всё норм, Крис! Стой на крыльце, не сходи с места! — крикнул он в ответ, переводя дыхание. — Тут... грязно. Постой пока там.

Иван не позволил себе медлить. Он пронёсся по комнате, пинком открыл дверь в дальний чулан — пусто. Заглянул под кровать — только слой пыли идохлый паук. Дом выдохнул, окончательно опустев.

Он подхватил рюкзак, бросил быстрый взгляд на лежащую на полу грудуплотии на то, как эти белесые нити, словно слепые дождевые черви в поисках влаги, медленно затихали, прекращая извиваться. В прихожей, сорвав с гвоздя засаленное вафельное полотенце, он резким движением обтёр лезвие топорика. Блеск металла вернулся, но полотенце теперь стало грязной тряпкой.

Иван вышел на крыльцо и прикрыв за собой дверь. Он присел на ступеньку крыльца, чтобы немного отдышаться. Рядом, поджав колени, присела Крис. В воздухе, густом от летнего зноя, не было ни звука — даже птицы замолчали, словно боясь выдать их присутствие.

Крис задумчиво вертела в руках нож, глядя на запёртую дверь дома.

— Слушай, — нарушила она тишину, понизив голос. — А чего она была запёрта снаружи?

Иван вытер лицо краем футболки. Его руки все ещё слегка подрагивали — не от страха, а от остаточного выброса адреналина.

— Кто-то их запер. Может, родственники или их дети, когда поняли, что происходит с близкими. Вчера никто не знал, что делать, Крис, — Иван внимательно посмотрел на неё. — Кто-то пытался спасти себя, кто-то — спасти близких. В итоге все оказались в ловушке.

Крис внимательно посмотрела на Ивана. В её глазах, ещё минуту назад испуганных, теперь читалась холодная решимость. Она поняла: в этом новом мире каждый сам себе тюремщик и каждый сам себе палач.

— Ладно, — она поднялась, отряхивая штаны от пыли. — Заперли их или нет — какая разница. Главное, что теперь они не покусают нас. Пойдём дальше, смотри там сарай, давай и его проверим.

Иван кивнул, поднимаясь вслед за ней. Он бросил последний взгляд на дверь дома, за которой ещё секунду назад была смерть, и двинулся следом за Крис к тени старой яблони.

Сарай казался приземистым, вросшим в землю. На дверной петле висел амбарный замок, покрытый ржавчиной, которая осыпалась на пальцы, как иссохшая кровь.

— Подержи, — Иван сунул ей топорик и, уперевшись ногой в косяк, рванул замок на себя.

Раздался металлический визг, прорезавший тишину, как крик. Дверь подалась, и изнутри пахло смесью бензина, прелой соломы и чем-то неуловимо «механическим» — ароматом масла и железа. Иван толкнул тяжёлую створку, и полоса дневного света, как скальпель, вскрыла полумрак.

Иван откинул брезент, наброшенный на технику, и даже присвистнул. Мотоцикл был выкрашен в сочный, почти изумрудный цвет, который лишь немного побледнел от времени. «Восход», крепко сбитый, с глубоким блеском эмали, стоял в углу как настоящий трофей.

— Ну ни черта себе... — пробормотал Иван, и в его голосе проскользнуло неподдельное мальчишеское восхищение. — Крис, ты посмотри! Это же не просто железо, это раритет в идеальном состоянии! Какая удача, я думал, тут только хлам.

Он тут же метнулся к углу, где стояли тяжёлые железные канистры. С трудом отвернул пробку, и в нос ударил резкий, едкий запах свежего бензина. Он даже прикрыл глаза от удовольствия, словно это был не запах топлива, а аромат самого дорогого парфюма.

— Есть! Полные! Да мы с тобой везунчики!

Крис скептически скрестила руки на груди, оглядывая «зелёное чудо» сверху вниз. Она обошла мотоцикл, пнула колесо и поморщилась.

— Ты серьёзно? — протянула она с явным пренебрежением. — Мы собрались уезжать на этом куске антиквариата? Да он помнит времена динозавров. Это же просто груда крашеной рухляди. У него, небось, запчасти отваливаются от одного взгляда.

Иван возмущенно обернулся к ней, чуть не выронив канистру.

— Рухлядь? Ты называешь этот шедевр советской инженерной мысли рухлядью?! Да он любого твоего современного «робота» на дистанции сделает, если руки из нужного места растут! Ты сама-то посмотри на него — он живет нас с тобой, даже масло не подтекает.

— Ага, конечно, — парировала Крис, ехидно улыбнувшись. — Он выглядит так, будто его в музей сдали ещё до моего рождения. Уверена, он заглохнет через пять метров, как только поймёт, какой «профи» за рулём.

— Слушай сюда, «знаток» истории, — Иван с напускной суровостью погрозил ей пальцем, но в глазах плясали смешинки. — Сама ты рухлядь, если не видишь качества. А если будешь и дальше так подкалывать своего водителя, я заставлю тебя бежать рядом и изображать звук мотора, понятно?

Крис прыснула, не выдержав, и сдалась:

— Ладно, ладно, «гонщик». Надеюсь, твоя «машина времени» хотя бы не развалится на первой же кочке. Но если мы застрянем посреди поля, обратно ты несёшь меня на своём горбу.

— Договорились, — Иван довольно оскалился, вставляя ключ в замок. — Но если мы доедем с ветерком, с тебя первое найденное пиво. Или что там у вас, подростков, сейчас считается крутым?

— Не дождёшься, — отрезала Крис, закидывая ногу на жёсткое седло. — Заводи уже свою «зеленую мечту», пока я не передумала.

Иван вывел мотоцикл на просёлочную дорогу. Вокруг — сплошная стена из зарослей и покосившихся заборов. Он выжал сцепление, включил передачу, и мотоцикл, дёрнувшись, рванул вперёд, поднимая вихрь сухой земли.

Ветер ударил в лицо, разгоняя липкий страх последних часов. Дорога петляла между заброшенными участками. Крис крепко держалась за Ивана, пригнувшись к его спине. Мотоцикл подпрыгнул на очередной выбоине, но не заглох. Они неслись по просёлочной дороге, оставляя позади дом, в котором остались те, кто уже никогда не выйдет на свет.

Иван внимательно осматривал участки по сторонам.

— Смотри, — он слегка притормозил, показывая на один из дворов. — Доски вроде целые, не сгнили. Пригодится для укрепления забора.

Крис, сидевшая позади и крепко державшаяся за Ивана, вытянула шею:

— Да, и вон там, у сарая, кирпичи лежат. Старые, но целые. Тоже можно забрать.

— Запомним места, — кивнул Иван. — На обратном пути отметим, чтобы потом забрать.

Они продолжили путь. На одном из участков Иван заметил старенькую походную сумку, валявшуюся возле крыльца. Он остановился, слез с мотоцикла и поднял её:

— Ещё одна находка! — он стряхнул пыль и проверил содержимое. — Пустая, но целая. Пригодится для переноски мелочей.

Крис наблюдавшая за этим возле мотоцикла, не удержалась.

— Боже, ты посмотри на себя. Ты сейчас один в один бомж из парка, который нашёл в мусорке пакет с недоеденными сухариками и радовался так, будто выиграл в лотерею. Радуюсь всякой херне. Тебе только бороды не хватает для полного образа.

Иван даже не обиделся, лишь смахнул пыль с находки.

— Ничего ты не понимаешь, малявка. Ладно, поехали дальше? — предложил Иван.

— Ага, только... — Крис вдруг сдулась, её голос прозвучал неожиданно тихо и по-детски. — Может, сделаем небольшой привал? Я есть хочу.

— Хорошая идея, — согласился Иван. — Вижу впереди поле, там найдём место в тени. Я когда дом осматривал, как раз нашёл немного еды в холодильнике, так что у нас будет отличный обед.

Через несколько минут они остановились у края широкого поля, заросшего высокой травой и полевыми цветами. Под раскидистой ивой нашлось укромное местечко — там они и устроили перекус. Иван расстелил один из найденных спальных мешков, достал из рюкзака пол палки копчёной колбасы, брусок сыра и половину буханки хлеба. Крис округлила глаза, и её лицо преобразилось. Она тут же достала нож и начала быстро делать бутерброды.

Крис жадно впилась в бутерброд, и на несколько минут воцарилась тишина, нарушаемая только звуком жующих людей. В этот момент под этой огромной ивой, мир, полный бегающих мертвецов, казался где-то далеко.

Иван усмехнулся, глядя на то, как Крис с аппетитом доедает хлеб.

— Ну что, — он откусил кусок колбасы, — рассказывай, что ещё интересного было в школе до того, как мир сошёл с ума? Ты же в восьмом классе училась, да?

Крис закивала:

— Ага. У нас была учительница по русскому, Марья Ивановна. Такая строгая, что даже мухи на лету замирали. А я как-то вместо сочинения про берёзки написала рассказ про зомби-апокалипсис. Ну, просто в голову пришло, пока смотрела на её скучное лицо.

Иван приподнял бровь:

— И что она? Отправила тебя к директору за «разлагающее влияние»?

— Сначала нахмурилась, очки на переносицу сдвинула, — Крис рассмеялась, вспоминая. — А потом прочитала и вдруг расхохоталась — у неё даже лицо покраснело! Говорит: «Крис, талант есть, но в следующий раз — всё-таки про природу, умоляю». Пятёрку с минусом поставила. Весь класс обалдел.

Иван громко хмыкнул, привалившись спиной к шершавой стене сарая:

— Оказывается, у тебя в голове не только ветер, но и неплохие сюжеты. Писательница, значит?

— Да ну тебя, — Крис слегка покраснела, уткнувшись в колени. — Просто иногда мысли бегут быстрее, чем надо.

— Это хорошо, — серьёзно сказал Иван. — Воображение — штука полезная. Особенно сейчас. Оно помогает не видеть то, что под ногами, а представлять то, что за горизонтом.

— А у тебя? — Крис отпила воды из бутылки. — Ты говорил про детский дом. Как там... внутри?

— По-разному, — медленно ответил он. — Были стены, которые давили, и были люди, которые грели. Там я понял, что семья — это не кровь. Семья — это те, кто не бросит тебя, когда ты лежишь в грязи, а протянет руку. У нас была банда — четверо пацанов. Мы были как один организм. Один стал пожарным, другой — механиком... Жизнь раскидала. И вот теперь я здесь. С вами.

Крис кивнула, глядя на свои огромные кроссовки.

— Теперь у нас своя семья...

— Точно, — Иван улыбнулся, и эта улыбка на его обветренном лице выглядела как трещина на старом, но надёжном асфальте. — И мы должны держаться вместе, чтобы не стать просто ещё одним куском мяса в этом мире.

Они доели остатки еды, собрали вещи и подошли к мотоциклу. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тёплые оранжевые тона. Тени удлинились, а воздух стал чуть свежее.

— Пора возвращаться, — сказал Иван, заводя двигатель. — Остальные, наверное, уже волнуются.

— Слушай, — Крис вдруг замялась, её скептицизм как ветром сдуло. — А... можешь научить меня управлять этой штукой? Ну, хоть чуть-чуть?

Иван прищурился, по-отечески строго глядя на неё:

— Ты же говорила, что это «рухлядь»? Зачем тебе учиться управлять грудой антиквариата?

— Ой, иди ты, — фыркнула Крис, хотя в её глазах зажёгся азарт. — Просто хочу знать, как быстро сбежать от тебя, если ты начнёшь ворчать, как настоящий старик.

— Договорились, — рассмеялся Иван. — Садись впереди. Но если поцарапаешь краску — будешь мыть его зубной щёткой до самой зимы.

Он встал позади неё, накрыв своими ладонями её руки на руле. Мотоцикл — отозвался дрожью. Иван объяснял, как чувствовать сцепление, как ловить баланс. Крис сначала дёргалась, как испуганный оленёнок, но вскоре её движения стали увереннее.

— Вот так держим руль — не слишком крепко, но уверенно. Здесь газ, здесь тормоз. Сначала попробуем на маленькой скорости, по прямой.

Крис глубоко вздохнула, кивнула и осторожно тронула рычаг газа. Мотоцикл медленно покатился вперёд.

— Отлично, — подбадривал Иван. — Теперь чуть быстрее. И смотри на дорогу, не отвлекайся.

Постепенно Крис освоилась. Она уверенно вела мотоцикл по просёлочной дороге, объезжая ямы и кочки.

— У тебя отлично получается! — похвалил Иван. — Чувствуется талант.

— Правда? — Крис расплылась в широкой улыбке. — Тогда я сама довезу нас до дачи!
— Договорились, — рассмеялся Иван. — Веди.

Крис уверенно направила мотоцикл в сторону их нового дома. Ветер развеивал её рыжие волосы, а на лице сияла улыбка — она чувствовала себя не просто ребёнком, которому нужна защита, а частью команды, способной на большее.

Когда они подъехали к даче, Лена и Саша занимались укреплением забора. Все обернулись на звук двигателя — и на лицах у них отразилось изумление.

— Это что, мотоцикл?! — воскликнула Лена, вытирая руки о штаны.

— Да! — Крис спрыгнула на землю, сияя от гордости. — И я сама его вела почти всю дорогу!

— Впечатляет, — Саша уважительно кивнул. — У нас тут, оказывается, юный гонщик растёт.

— Не просто гонщик, — Иван положил руку на плечо Крис. — Будущий опытный водитель.

Крис засмеялась, чувствуя, как внутри разливается тепло — она сделала что-то важное, и это заметили.

Марина, которая до этого что-то обсуждала с Мишей у колодца, подошла ближе:

— Крис, ты серьёзно? Сама управляла?

— Да! — девочка закивала. — Сначала было страшно, но потом я разобралась, как всё работает.

— Молодец, — Марина улыбнулась и обняла Крис. — Это очень круто.

Миша подбежал к сестре, глаза горят от восторга:

— Крис, а меня научишь? Ну пожалуйста! Я тоже хочу водить!

— Конечно, — Крис потрепала его по волосам. — Но сначала надо научиться основам. Иван, ты же поможешь?

— Разумеется, — кивнул Иван. — Завтра и начнём. Для начала — теория: как устроен мотоцикл, какие есть правила безопасности. А потом уже практика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.